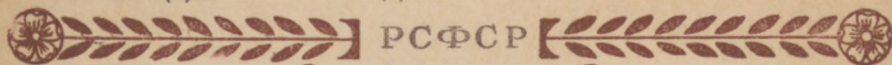

Biblioteka
UMK
Toruń

421539

АКАДЕМИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК

РСФСР

Nikolay Leontevich
ПРОФ. Н.А. БРОДСКИЙ

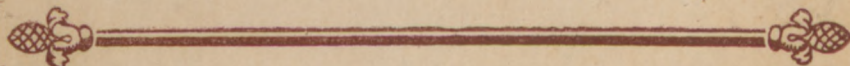
БОРОДИНО

М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

И ЕГО

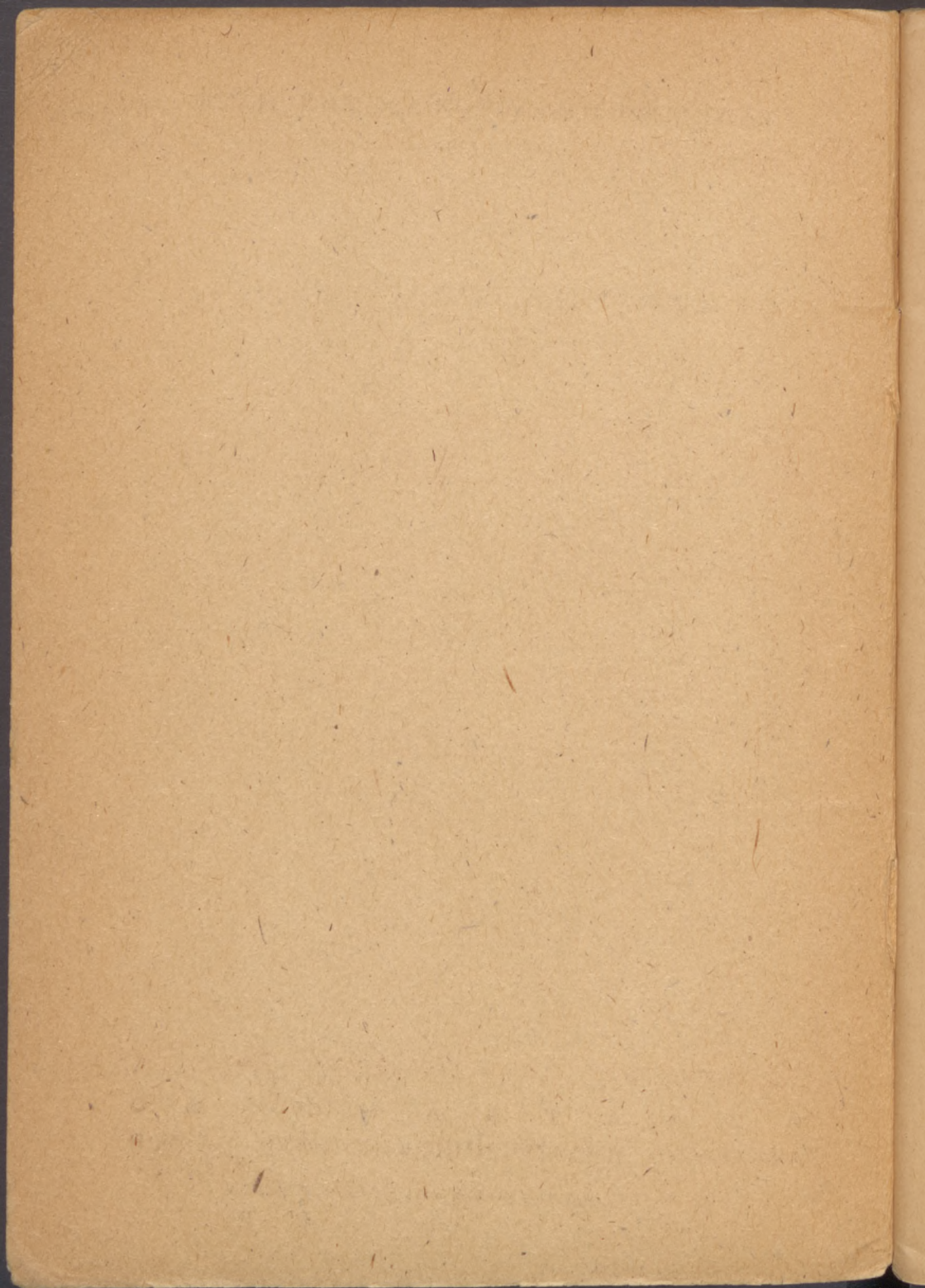
ПАТРИОТИЧЕСКИЕ

ТРАДИЦИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК РСФСР

МОСКВА-1948-ЛЕНИНГРАД

АКАДЕМИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК РСФСР

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА УЧИТЕЛЯ

Проф. Н. Л. БРОДСКИЙ
Действительный член АПН РСФСР

„БОРОДИНО“
М. Ю. ЛЕРМОНТОВА
И ЕГО
ПАТРИОТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК РСФСР
Москва 1948 Ленинград

SEMINARIUM
HISTORII LITERATUR
SŁOWIAŃSKICH
U. M. K. W TORUNIU

Тр. III-592

A. V $\frac{1}{43}$

421539

Редактор *И. И. Савостьянов*

Техн. редактор *А. Г. Исленцева*

A02211. Сдано в производство 26/1 1948 г. Подписано к печати 23/II 1948 г.
Тираж 50 000 экз. 4,25 печ. л. Уч.-изд. 4,47. В п. л. 44 000 экз.
Формат 60×88 $\frac{1}{16}$. Цена 2 р. 25 к. Зак. 52.

18-я тил. треста „Полиграфкнига“ ОГИЗа при Совете Министров СССР
Москва, Девисовский, 30.

Dep. 7710/69

Среди памятников художественной литературы, посвященных героическим страницам русской истории, небольшое стихотворение «Бородино» занимает особое место; если б Лермонтов был автором только одного этого стихотворения, то и в этом случае он был бы назван народным поэтом, его стихотворение было бы признано одним из самых примечательных поэтических произведений по силе выражения идеи патриотизма, темы родины и ее обороны народом в освободительной, справедливой войне с врагом.

Поэт избрал в своем стихотворении тот момент в исторических судьбах своей родины, когда на Бородинском поле 7 сентября (26 августа) 1812 г. решался вопрос: быть или не быть России независимым государством, остаться ей самостоятельной страной или стать покоренной, войти в европейскую политическую систему одним из вассальных государств с потерей целого ряда областей, утратой вековых связей с народами, которые строили в трудах и муках свою государственную державу¹.

Каждый из участников Бородинского сражения — от Главнокомандующего до ополченца, только что прибывшего в ряды армии — понимал, что этот день, этот бой был решающим в жизни его страны.

В Россию вторглась многонациональная армия Наполеона, мечтавшего о мировой монархии под главенством Франции. Честолюбивый ставленник французской буржуазии, «император французов, король Италии, протектор Рейнского Союза, медиатор швейцарских союзных кантонов», под властью которого находились столицы всех европейских народов, 12 июня 1812 г.

¹ В план Наполеона входило расчленение России и оттеснение ее от Балтийского и Черного морей, образование вассального украинского государства под названием «Империонда», образование великого княжества Литвы в захват всей Прибалтики. См. изложение доклада академика В. И. Пичеты в «Историческом журнале», 1942, № 10, стр. 139.

начал войну с Россией, чтобы закончить свои захватнические планы. Еще в 1804 г. Наполеон говорил, что «покой в Европе может быть установлен только с воцарением одного императора, одного главы, у которого под начальством будут короли, который распределит государства между своими наместниками...». «Нам нужно единое европейское законодательство, единая Кассационная палата Европы, единая монета, одинаковые меры веса и длины, одни и те же законы, — говорил он в декабре 1811 г. Фуше. — Из всех народов Европы я должен сделать единый народ, а из Парижа — столицу мира»¹. Разгром, если не единственного, то самого главного и опасного своего противника, какковым был русский народ, казался Наполеону заманчивой задачей, считался необходимым в осуществлении его военно-империалистических замыслов. «Через пять лет я буду господином мира; остается одна Россия, но я раздавлю ее», — хвастливо заявлял Наполеон в 1811 г.² Военное поражение России рассматривалось Наполеоном, как последнее средство к нанесению им смертельного удара по колониальному могуществу Англии. Русская земля должна была стать дорогой для наполеоновских полчищ в Индию, русский народ должен был войти в состав других народов, которые рабски выполняли бы волю всемирного диктатора³. Против России, к войне с которой Наполеон стал лихорадочно готовиться с конца 1810 г., он бросил колоссальную, почти полумиллионную армию, сколоченную им из «двунадесяти языков», как говорили современники: в его «великой армии» были французы и немцы, итальянцы и поляки, голландцы и бельгийцы, испанцы и португальцы, швейцарцы и хорваты, датчане и венгры, причем преобладали немцы и итальянцы⁴.

Русский народ в течение всей многовековой своей истории всегда боролся за свою независимость, никогда не допускал мысли, что он может владеть рабские цепи под властью чужеземца⁵.

¹ Проф. А. И. Молок. Империя Наполеона накануне войны 1812 г. «Ученые записки Ленинградского Государственного Университета», № 19, т. IV, 1938, стр. 56—60.

² Там же, стр. 68.

³ В марте 1812 г. Наполеон говорил одному из своих приближенных: «И Александру (Македонскому) предстояло пройти расстояние не меньше чем отсюда до Москвы, чтобы добраться до Ганга... Теперь же мне придется с окраины Европы взяться за Азию с другой стороны, чтобы ударить по Англии. Достаточно будет прикоснуться французским мечом к берегам Ганга, чтобы во всей Индии рухнуло здание этого меркантильного величия... Проф. А. И. Молок, указанная статья, стр. 69.

⁴ Там же, стр. 75.

⁵ Замечательные строки об этой «политической религии» русского народа находим у Герцена в его сочинениях (т. V, стр. 354).

В 1812 г. русский народ ответил напавшему на него врагу могучим отпором, патриотическим одушевлением, полным безграничной ненависти к вооруженному неприятелю и неугасимой жажды отстоять свою отчизну, принести ей в жертву свою жизнь и все достояние.

Это понимание грозной опасности для родины подняло весь народ на ее защиту; война 1812 г., действительно, стала отечественной. Несмотря на крепостное право, тяжким бременем лежавшее на крестьянской массе, русский народ, его армия встретились с врагом, желая одного — не отдавать своей родины в рабство... Это чувство любви народа к родине спасло Россию. В 1812 г., по словам одного из современников Отечественной войны, «Россия спасла себя сама собой»¹. Будущие декабристы, ненавидевшие самодержавие и любившие народ, сохранили драгоценные свидетельства патриотического подъема русского народа, защищавшего свою землю не потому, что государственная власть призвала его на борьбу.

«В 1812 г. нужны были невероятные усилия; народ радостно все нес в жертву для спасения отечества», — писал Каховский в феврале 1826 г., сидя в Петропавловской крепости². И. Д. Якушкин оставил замечательную оценку русского народа, его воли к победе над врагом его родной земли: «Война 1812 г. пробудила народ русский к жизни и составляет важный период в его политическом существовании. Все распоряжения и усилия правительства были бы недостаточны, чтобы изгнать вторгшихся в Россию галлов и с ними двенадцать языки, если бы народ попрежнему оставался в оцепенении. Не по распоряжению начальства жители при приближении французов удалялись в леса и болота, оставляя свои жилища на сожжение. Не по распоряжению начальства выступило все народонаселение Москвы вместе с армией из древней столицы. По Рязанской дороге, направо и налево, поле было покрыто пестрой толпой, и мне теперь еще помнятся слова шедшего около меня солдата: «Ну, слава богу, вся Россия в поход пошла». В рядах даже между солдатами не было уже бессмысленных орудий; каждый чувствовал, что он призван содействовать в великом деле»³.

Величайшим напряжением русский народ в Бородинском сражении не только устоял перед наполеоновской армией, но сорвал весь стратегический и тактический план Наполеона, покрытого славой непобедимого полководца. Впервые Наполеон не добился успеха на ратном поле, впервые побоялся ввести в

¹ С. Глянкя, Записки о Москве... СПб, 1838, стр. 307.

² Из писем и показаний декабристов. Под редакцией А. К. Бороздина. П., 1906, стр. 19.

³ И. Д. Якушкин, Записки, 3-е изд., 1905, стр. 1.

бой свою старую гвардию; это сражение для него стало началом конца его военного счастья, началом крушения его стремления ко всемирной гегемонии.

Выбором Бородинского сражения, как темы стихотворения, Лермонтов показал свое верное понимание исторического значения этого события среди других явлений войны 1812 г.

Но значение поэтического произведения Лермонтова не в том, что он продолжал патриотическую традицию современников отечественной войны, а в том, что рассказ о Бородинской битве Лермонтов вел от лица рядового участника, простого солдата, что героем сражения в стихотворении является представитель народной массы, что главенствующую роль в сражении, которое стало решающим для судьбы России, поэт отвел народу, что в описании, в освещении, в оценке Бородинской битвы он стал на народную точку зрения.

Ни у одного из писателей, предшественников Лермонтова, которые касались темы Бородина, не был показан на переднем плане герой из народа. Классическое произведение Жуковского «Певец во стане русских воинов» — собрание лирических гимнов в честь героев-полководцев; многочисленные поэмы, стихотворения, в обилии выходившие в годы Отечественной войны и неполно собранные в 1814 г., чаще представляли набор риторических рассуждений по поводу военного столкновения России и Франции, чем правдивые картины военной истории. Абстрактное «воинство», безликий «неустршимый Росс» заполняли декламативную продукцию писателей разных литературных школ от Державина и Карамзина до Александра Грузинцева с его поэмой «Спасенная и победоносная Россия в девятом на десять веке» (СПБ, 1813) и Павла Свечина, автора «Александрюиды» (М., 1827). В этом одописном потоке тонут глубоко прочувствованные стихи элегического послания Батюшкова к Дашкову.

Если можно встретить живые сценки и образы партизан в романах и повестях 20—30 гг. (у Марлинского, Погорельского, Яковлева, Загоскина, Вельтмана и др.), то они или эпизодически вкраплены в повествовательную ткань, или рисуют обычно портреты офицеров. Народного героя пытался включить в свою трагедию «1812 год» только один Грибоедов, но его замысел остался неосуществленным. Лермонтов вывел героический образ человека из народа впервые в нашей литературе об Отечественной войне с той художественной правдой и простотой, какой и в помине не было в серии «анекдотов» о простолюдинах и о военных эпизодах в 1812 г., чем наводнены были журналы того времени — «Сын Отечества», «Русский Вестник», «Вестник Европы». Лермонтов впервые в нашей литературе

передал герою из народа раскрытие исторического события всемирного значения: Бородинская битва в проникновенной оценке Белинского, великого сына русской нации, «была самым торжественным, самым трагическим актом великой драмы 12-го года», когда, по словам того же современника автора «Бородина», русский народ доказал не только свою «силу, но и молодость и свежесть (своих) сил», когда русский народ не только себя спас, но «спас всю Европу, следовательно — весь мир». Своим стихотворением «Бородино» Лермонтов вслед за Крыловым и Пушкиным утвердил в русской литературе ту традицию в понимании роли народа в Отечественной войне, которая нашла полноценное художественное воплощение в грандиозной эпопее Льва Толстого. Толстой сам признавал, что «Бородино» Лермонтова было зерном его романа «Война и мир». Этот факт наличия лермонтовской традиции в величайшем памятнике русского народного патриотизма, которым является роман Л. Толстого, придает стихотворению «Бородино» новое важное значение, как документу, передающему в поэтической форме из поколения в поколение славную традицию любви русского народа к своей отчизне, его героического напряжения в защите родной земли, когда, обороняясь от захватчиков, посягающих на честь и свободу родины, он подымает «дубину народной войны» и, не щадя жизни, отстаивает свое национальное достоинство, свое нежелание быть рабом у чужеземца, врага его страны.

В дни Великой Отечественной войны, когда поздней осенью 1941 г. на Бородинском поле Советская Армия встретила немецких захватчиков и, доказав свою решимость победить врага, не допустить его к столице народов СССР, к сердцу социалистической родины, обескровила, подорвала его силы и погнала назад, в западном направлении, — стихотворение Лермонтова о Бородинской битве зазвучало с новой силой, своим напоминанием о «гордой славе 12 года» наполнило сердца новым приливом патриотической уверенности в несокрушимой мощи советского народа, в неизбежной победе над злым врагом.

Перед началом знаменитого двухмесячного сражения за Москву командир 32-й стрелковой дивизии полковник Полосухин посетил Бородинский музей; в книге посетителей, поданной ему сторожихой, он заполнил графу о целях посещения Бородинского поля словами: «Приехали Бородинское поле защищать» (т. Полосухин был последним посетителем музея, потом сожженного фашистскими варварами). Когда же, покидая музей, где каждая реликвия красноречиво говорила о славных людях в их подвигах в 1812 г., Полосухин прочитал стихи поэта: «Да,

были люди в наше время... Богатыри», — история показалась ему не музеем, не книгой, а сегодняшним днем, самой жизнью¹. «Бородино» Лермонтова, написанное более 100 лет назад, продолжало играть свою деятельную роль в сознании советского патриота накануне сражения за Москву.

Стихотворение Лермонтова — сказ о народном патриотизме в первую Отечественную войну — остается непревзойденным до сих пор поэтическим гимном богатырям русского народа, спасшим независимость своей родины.

Об этой бессмертной заслуге поэта было превосходно сказано в передовой статье «Правды» 27 июля 1941 г., в столетнюю годовщину смерти творца стихотворения «Бородино»: «Бородино» — величайшая ценность русской литературы. Нет русского человека, любящего свою родину, который не знал бы этого стихотворения, который бы не был обязан Лермонтову своим патриотическим воспитанием».

Значение стихотворения Лермонтова многосторонне: «Бородино», во-первых, поэтический сказ народного поэта, чрезвычайно точно и сгущенно отразивший главнейшие моменты Бородинского сражения; во-вторых, замечательный памятник, положивший начало новой традиции в русской художественной литературе об Отечественной войне 1812 г.; «Бородино», в-третьих, один из могучих факторов воспитания в ряде поколений «чувства родины», героики, гордого сознания величия русского народа, в дни священной борьбы с фашистскими полчищами помогавший укреплению советского патриотизма. Этот тройной смысл стихотворения Лермонтова до сих пор недостаточно вскрыт, несмотря на ценные наблюдения по отдельным вопросам, сделанные литературоведами как в дореволюционное, так особенно в советское время².

Наша задача — восполнить этот пробел историко-литературного комментария данного стихотворения.

---

¹ М. Брагин, «Бородино», 1941 г. «Правда» 7 сентября, 1942, № 250, стр. 3.

² П. В. Владимиров, Исторические и народно-бытовые сюжеты в поэзии М. Ю. Лермонтова. Киев, 1892, стр. 26—30; Леонид Семенов, Лермонтов и Лев Толстой. М., 1914, стр. 110—114; Ираклий Андроников, «Бородино» Лермонтова. «Правда», 1941, № 171, 22 июня; С. Н. Дурьлин. На пути к реализму. «Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова». Сборник первый. Исследования и материалы. М., 1941, стр. 179—186 (см. книгу того же автора) «Как работал Лермонтов». М., 1934, стр. 30—33, 37; Л. Пумпянский, Стиховая речь Лермонтова. «Литературное наследство», № 43—44, стр. 411—413; Ив. Н. Розанов, Лермонтов мастер стиха. М., 1942, стр. 47—51.

«Бородино» было напечатано в журнале Пушкина «Современник» (т. VI, № 2), в 1837 г. Так как Лермонтов выехал из Петербурга в первую ссылку на Кавказ 19 марта 1837 г., а журнальная книжка со стихотворением «Бородино» (за подписью *М. Лермантов*) была разрешена цензурой 2 мая 1837 г., то невольно возникает предположение, что это стихотворение было написано поэтом еще до его отъезда из Петербурга. Неопубликованный черновик «Объяснения губернского секретаря Раевского о связи его с Лермонтовым и о происхождении стихов на смерть Пушкина» точно документирует это предположение. Арестованный друг поэта, давший свое показание 21 февраля 1837 г., в черновике сообщал: «написал (*Лермонтов*) несколько новых стихотворений, из коих именно помню «Бородино», «Умиравший гладиатор», которые и передалы мной Краевскому для напечатания».

Известно, что стихотворение «Умиравший гладиатор» было написано в Тарханах в начале февраля 1836 г. (появилось в печати уже по смерти поэта). Указание на «Бородино» перед этим стихотворением нет основания рассматривать, как свидетельство того, что это патриотическое произведение было написано Лермонтовым раньше баллады на тему 4-й песни «Чайльд Гарольда».

«Бородино», вероятнее всего, было закончено в конце 1836, в начале 1837 г. и тогда же передано через С. А. Раевского ближайшему помощнику Пушкина по изданию «Современника» А. А. Краевскому. Поэт желал увидеть свое стихотворение именно в журнале Пушкина. Лермонтов, произведения которого появлялись в печати крайне редко и случайно¹ — в 1830 г. «Весна» в журн. «Атеней» за полписью «Z», «Хаджи Абрек» — в 1835 г., против воли автора, в «Библиотеке для чтения», решил выступить под своим именем со стихотворением «Бородино»². Ясно, что это свое произведение он считал идеино-ценным и художественно зрелым, достойным появления в журнале своего любимого поэта-учителя. Не предназначал ли его молодой поэт для первой литературной встречи с автором «Бородинской годовщины», патриотическое чувство которого было ему близко и дорого, с автором послания «Клеветникам России», негодование которого по адресу врагов родины он

¹ Драма «Маскарад» (1835), как ни пытался Лермонтов провести ее в театр и напечатать, была запрещена цензурой.

² Раньше под своим именем Лермонтов появлялся, как переводчик Т. Мура и автор лирических стихотворений, в рукописных альманахах воспитанников университетского пансиона (в «Улье» и в «Арионе»).

разделял, когда русский национальный поэт от имени своего народа спрашивал у иноземных «вятизей», звавших к крестовому походу против России, о причинах их ненависти к его отчизне:

За что ж? Ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали яглой воли
Того, под кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?

Только тем, что Лермонтову было известно, как мучительно трудно жил Пушкин в январе 1837 г., можно объяснить, почему он лично не отнес Пушкину своего стихотворения, а передал его в редакцию «Современника».

Во всяком случае, необходимо иметь в виду, что «Бородино» было напечатано в журнале Пушкина по желанию самого поэта. Насколько он был строг и взыскателен, какие превосходные стихотворения читал своим друзьям, но не отдавал их в печать, доказывает среди многих следующий факт: стихотворение «Два великана», написанное в 1832 г., появилось в «Отечественных Записках» в 1842 г., а между тем оно было известно в кругу близких поэту людей: С. А. Соболевский, например, привел одну строчку из «Двух великанов» («Из далеких, чуждых стран») в своей эпиграмме «Канкринаида», относящейся к 1839 г.¹

III

К созданию «Бородина» Лермонтов подошел всесторонне подготовленный: богатая устная традиция, книжная осведомленность, многолетние раздумья над событиями Отечественной войны, все питало воображение поэта, давало новые факты, оформляло его отношение к 1812 г.

Поэт принадлежал к тому поколению, детские годы которого были овеяны рассказами окружающих о недавних грандиозных событиях, к поколению, которое видело участников Отечественной войны, которое, остро переживая общественно-политическую реакцию после декабристского поражения, с необычайной энергией поставило на очередь разрешение проблемы народности, пыталось определить своеобразие и место русского народа в мировой культуре, и которое в боевых спорах о культурно-историческом типе русской народности возвращалось к

¹ «Эпиграммы и экспромты С. Соболевского». М., 1912, стр. 151.

событиям Отечественной войны, видя в них самое яркое проявление национального характера русского народа, достойные подражания черты народной самообытности, народного героизма. Признания Белинского, Герцена типичны для биографии многих сверстников поэта. Первый говорил: «Мы, юноши нынешнего века, мы, бывши младенцами, слышали от матерей наших... об двенадцатом годе, о Бородинской битве, о сожжении Москвы, о взятии Парижа»; второй писал в «Былом и думах»: «Рассказы о пожаре Москвы, о Бородинском сражении, о Березине, о взятии Парижа были моей колыбельной песнью... моей Илиадой и Одиссеей».

Лермонтов, родившийся спустя два года после начала Отечественной войны и в год возвращения из Парижа русских войск, покрытых славой победы над Наполеоном, с детских лет впитывал в себя рассказы об Отечественной войне. Рассказы его родных, а также тархановских крестьян, среди которых были участники недавних боев на Бородинском поле, личные впечатления, когда он, еще подростком, видел в Москве в 1819 г. разрушенные, обгорелые здания на центральных улицах, видел вдоль стен московского арсенала орудия, отбитые у французов, — таков был источник первоначальных представлений поэта о 1812 г. Его гувернером был француз Капэ, офицер наполеоновской армии, участник похода 1812 г., попавший в плен и оставшийся в России. Рассказы Капэ рисовали картину как побед, так и поражений французской армии, сохраняя культ Наполеона, характерный для французского офицера. Воспитательница поэта, немка Христина Ремер вносила другой тон в повествования Капэ: знакомая с романтической школой немецких поэтов в годы национального порабощения Германии Наполеоном, она могла читать мальчику стихотворения патриотов 1813 г., вроде Уланда, томик которого, по словам Гейне, был у каждого немецкого гимназиста и призыв которого к объединению под эгидой России всех народов против французского диктатора разрушал французскую версию рассказов Капэ:

Дальше, дальше и вперед,
Так Россия нас зовет!
Вперед... (и пр.).

Отец поэта, отставной капитан, вступил в ополчение в 1812 г.: он находился на излечении в военном госпитале в Витебске в ноябре и декабре 1813 г. Неизвестно, в каких боях участвовал, был ли ранен Юрий Петрович Лермонтов, но что от него подросток мог узнать разнообразные подробности походной жизни ополченцев армии — не подлежит сомнению.

Если в рассказах отца поэта, возможно, могло не упоминаться имя одного из его родственников — Лермонтова, мичмана гвардейского экипажа, которому Барклай де-Толли приказал разобрать мост на р. Колоче¹, то бабушка поэта, Елизавета Алексеевна, урожденная Столыпина, с гордостью называла двух своих братьев, Дмитрия Алексеевича и Афанасия Алексеевича, участников Бородинского сражения. Это были выдающиеся офицеры, имена которых упоминались в приказах по армии, встречаются в мемуарах с обычной для них лестной оценкой их личной доблести. Дмитрий Алексеевич Столыпин пользовался особенной популярностью в конно-гвардейской артиллерии. Офицер с 1803 г., прославившийся храбростью под Аустерлицем, где он в чине поручика, обнажив палаш, поскакал вместе с прислугой своего взвода и отбил у французов орудия, Столыпин после неудачной кампании, в часы досуга от военной службы, обращался к научной работе, составил курс дифференциального и интегрального исчисления и своими статьями в «Артиллерийском журнале» 1809 г. («Тактика артиллерии»), в одном из номеров «Тактических отрывков де-Санглена» («В чем состоит употребление и польза конной артиллерии»), в «Военном журнале» 1810 г. (№ 2) произвел целый переворот в специальной литературе. В публичных лекциях, читанных офицерам гвардейской артиллерии генерал-майором В. Ф. Ратчем (в 1861 г.), прямо было сказано, что «первым из наших молодых офицеров, печатно высказавших свое мнение об употреблении артиллерии, был гвардейской конной артиллерии поручик Дмитрий Столыпин». По словам ученого историка русской артиллерии, одна маленькая в четыре страницы статья Д. А. Столыпина оказала влияние на все последующие статьи военного журнала по вопросу о роли конной артиллерии, а другая статья общего характера — о значении артиллерии, на которую имелось много откликов в специальной прессе, привела к тому, что на сторону автора перешло большинство из дискутировавших по данному вопросу.

Описывая некоторые эпизоды Бородинского боя, В. Ф. Ратч указал, что приказы по гвардейской артиллерии были проникнуты «мыслью Столыпина», в частности, слова Д. А. Столыпина: «когда неприятель летит на вашу батарею, отбивайтесь картечью», признанные во всех военных журналах того времени за наиболее правильное руководство во время боя, в полной мере были применены в Бородинской битве. Во время сражения

¹ Собрание статей И. Липранди. Материалы для Отечественной войны 1812 года. СПб, 1867. Ср. в «Русском Иивалиде» 1871 г., № 67 «Воспоминание ветерана Отечественной войны 1812 года» генерал-майора Лермантова (письмо в редакцию).

штабс-капитан гвардейской второй легкой конной батареи Д. А. Столыпин, принужденный отступать по местности, совершенно почти занятой неприятелем, сохранил все свои орудия и доказал под Бородиным на практике свои теоретические высказывания: когда, подпустив неприятеля на расстояние 100 сажень, 2-й дивизион его батареи дал 2 или 3 картечных очереди, «неприятельской колонны как не бывало, на ее месте лежала груда трупов: «аж черно, да мокро» вырвалось у солдат, когда рассеялся дым и им представилось это кровавое зрелище»¹.

После войны 1812 года Д. А. Столыпин, оставаясь на военной службе, напечатал на французском языке книгу о фортификационном профиле². Эту книгу по постановлению Правления Университетского Благородного пансиона один из воспитанников перевел на русский язык. Когда Лермонтов учился в этом пансионе, он видел фамилию Д. А. Столыпина на золотой доске среди окончивших пансион с отличием. В библиотеке бабушки или в имении Д. А. Столыпина в Средникове, где жил поэт летом в 1829—1832 гг., он мог читать статьи своего родственника, с которым лично не встречался, но о крупной роли которого, как военного специалиста, он должен был знать от другого брата своей бабушки Афанасия Алексеевича. Лермонтов особенно любил этого своего родственника, тот в свою очередь высоко ценил молодого поэта, всегда стараясь помочь ему в разных жизненных невзгодах. Афанасий Алексеевич Столыпин, как только началась Отечественная война, несмотря на незажившую тяжелую рану, полученную им под Фридляндом, явился в свою часть. Во время Бородинского боя он командовал 2-й легкой ротой гвардейской артиллерии и своими героическими подвигами, — увидев, например, русских кирасир, движущихся на французскую кавалерию, Столыпин «взял на передки, рысью выехал несколько вперед, и, переменяя фронт, ожидал приближения неприятеля без выстрела»³, — заслужил включение его имени историком русской артиллерии в число лиц, оказавших «особенные заслуги»⁴, а со стороны товарищей следующую оценку: «доблестное бесстрашие, истинно артиллерийское хладнокровие и распорядительность в самом сильном огне всегда останутся памятными его сослуживцам» (из воспо-

¹ «Артиллерийский журнал», 1861, № 10, стр. 790—792, 798, 830—831; № 11, стр. 839, 847, 848.

² «Memoire sur le profil en fortification par M-r de Stolipine. Colonel de l'artillerie a cheval des gardes St Petersburg 1816. Charles Weyner Libraire.

³ «Военный сборник», 1868, № 11, А. С. Норов. Война и мир (1805—1812 гг.), стр. 226—229.

⁴ «Артиллерийский журнал», 1861, стр. 833.

минаяй подпоручика Рославлева)¹. Встречи с этим братом бабушки должны были раскрыть перед поэтом многое в понимании военных и моральных факторов во время Бородинского сражения, а также привести и крупные и малозначительные подробности военного быта, различные детали из жизни офицеров и солдат.

Немало рассказов об Отечественной войне, о Бородине, о московском пожаре наслышался поэт, когда в 1827 г. приехал из Тархан в Москву. Одним из самых близких семейств у Елизаветы Алексеевны Арсеньевой были Мещериновы, в доме которых Лермонтов часто бывал. Отставного штабс-капитана, бывшего кирасира, Петра Афанасьевича Мещеринова постоянно навещал его друг и сослуживец по полку генерал Павел Моисеевич Мелихов, у которого в Бородинском бою оторвало ядром правую руку. Оба участника Отечественной войны, конечно, делились боевыми воспоминаниями, окруженные подростками — тремя Мещериновыми товарищами Лермонтова, М. Е. Мелиховым, племянником генерала и др.

В Пушкинском «Современнике» в 1836 г. (т. I, стр. 305) было указано, как в тогдашнем обществе любили слушать рассказы о войне: «Доныне, если... офицер, уже ветеран, уже во фраке, уже с проседью на голове станет рассказывать о прошедших походах, то около него собирается любопытный кружок»². Можно представить себе, с каким любопытством Лермонтов слушал рассказы своих новых московских знакомых и каким интересом загорался он, когда его товарищ, М. Е. Мелихов рассказывал ему, что в доме своего дяди встречал прославленного генерала Ермолова, портрет которого кисти Дау поэт через несколько лет увидит в галерее героев Отечественной войны в Зимнем дворце, образ которого он вспомнит в стихотворении «Спор» и о государственной деятельности которого во время завоевания Кавказа поэт намеревался писать в задуманной им исторической трилогии.

При той близости, какая существовала между домами Арсеньевой, Мещеринова и Мелихова, не исключена возможность, что Лермонтов мог встречать Ермолова у генерала Мелихова и слышать его рассказы о войне 1812 г., а Ермолов, автор известных записок об Отечественной войне, по словам хорошо знавшего его А. С. Грибоедова, «любил много говорить» («при том тьма красноречия»), по признанию А. С. Пушкина: «это один из самых умных людей в России. Любопытно послушать его».

¹ «Артиллерийский журнал», 1861, стр. 825.

² Рецензия Гоголя.

Среди товарищей поэта, когда он учился в университете, был Н. И. Поливанов — родственник знаменитого партизана Дениса Давыдова. Встречался ли с ним Лермонтов у Поливанова, когда Д. Давыдов из своего имения приезжал в Москву, нам точно не известно (хотя ничего невероятного в этой догадке нет), но его записки «О партизанской войне» он знал, патристический пафос Д. Давыдова дошел до поэта, когда он в 1836 г. читал в Пушкинском «Современнике» известные слова поэта-партизана, дышавшие грозным предупреждением врагу его родины: «еще Россия не подымалась во весь исполинский рост свой — и горе ее неприятелям, если она когда-нибудь подымется» (т. III, стр. 151)¹.

Среди лиц, от которых поэт слышал рассказы об Отечественной войне, об исторических деятелях 1812—1814 гг., рассказы, где прошлое вставало с теми бытовыми подробностями, какие помнились по живым следам, следует назвать его воспитателя, образованного педагога-историка А. З. Зиновьева. В прогулках с ним по Москве Лермонтов останавливался перед историческими памятниками, вызывавшими особенно волнующие воспоминания из эпохи наполеоновского нашествия: Кремль, Колокольня Ивана Великого, с которой поэт видел Поклонную гору, «откуда Наполеон кинул первый взгляд на гибельный для него Кремль, откуда в первый раз (Наполеон) увидел его веще пламя, этот грозный светоч, который озарил его торжество и его падение»².

Другой его наставник, проф. А. Ф. Мерзляков, который в своем ученике видел будущего писателя, который давал питомцам университетского пансиона патристические темы для их публичных выступлений (так, 21 марта 1827 года А. Быков читал свое стихотворение «Бородино»), делясь в доме Арсеньевой своими воспоминаниями, рассказывал, какой он увидел Москву тотчас после оставления ее французами. Чувством восторженной любви к столице России, к русскому человеку полны были речи маститого ученого. «Сколько раз (Москва) горела?» — читаем мы в одном из его писем 1813 г. к его знакомым. — «Сколько раз была в руках неприятелей самых лютейших? Нет силы на земле, которая бы уничтожила Москву, любимейший небом город, или, другими словами, нет силы столько враждебная, которая могла бы охладить москвичей к их родной и

¹ В 1838 г. Лермонтов находил в «Записках о Москве и о заграничных происшествиях исхода 1812 г до половины 1813 г.» С. Н. Глинки ту же мысль. «Решительно можно сказать, что сила заграничного оружия никогда не успеет внутри России, хотя бы и другой Наполеон предводил нашествием» (стр. 304).

² «Панорама Москвы», 1833 г.

ветхой дѣньми маменьке. Ни весь ад с миллионами Наполеона не в состоянии этого сделать. По сю пору Москва, разрушенная, опустошенная уже лучший город в России»¹.

Эти устные рассказы о московском быте «допожарном» и «послепожарном» расширяли исторический кругозор юноши, обогащали яркими красками интересовавшую его тему Отечественной войны. Если к числу непосредственных участников военных походов 1812 г., от которых Лермонтов мог услышать рассказы о Бородинском бое, добавить его товарищей в лейб-гвардии гусарском полку² и вообще среди офицерской среды, можно утверждать, что запас впечатлений, полученных им от встреч с людьми, на глазах которых происходили исторические события 1812—1814 гг., был настолько значителен, что поэт, дороживший реалистической точностью, мог в 1841 г. приступить к написанию большого исторического романа, — о чем он говорил Белинскому в Петербурге и Глебову на Кавказе, — сюжет которого охватывал эпоху Отечественной войны.

Помимо этой устной традиции, сопутствовавшей поэту на всем протяжении его жизни, — от детских лет в Тарханах до последних месяцев в Пятигорске, где он встречался с проф. Дятковским, который студентом в 1812 г., вместе с другими товарищами по Медико-хирургической Академии поступил в Московское ополчение и стал работать в Рязанском госпитале³, — книжные источники давали Лермонтову материал о 1812 г., разнообразный и по форме, и по тенденциям в освещении событий. Поэт любил историю, с особенным интересом читал исторические книги. Мы знаем по неизданному конспекту лекций по всеобщей истории, который вел Лермонтов, слушая в пансионе проф. Д. Е. Василевского, что профессор, излагая историю Франции, неоднократно говорил о наполеоновском походе в Россию, о Бородине и т. д. Должно быть, в этих лекциях, конспектирование которых прекратилось на 10-й лекции характерным выражением: «И проч.», поэт находил для себя мало интересного, нового после прочитанных им книг о 1812 г. Беллетристы, авторы мемуаров, исторических трудов в 20—

¹ «Русский Архив», 1869, 1 столб. 109.

² Одним из них был Н. И. Бухаров, о котором поэт писал:

Столетия прошлого обломок,
Меж нас остался ты один,
Гусар прославленных потомок,
Пиров и битвы граждан.

³ С. Храпков, Русская интеллигенция в Отечественной войне 1812 г. «Исторический журнал», 1943, № 2, стр. 74—75. Здесь же речь проф. М. Я. Мудрова от 13 октября 1813 г. об участии профессоров и студентов Московского университета в Отечественной войне.

30-х гг. Достаточно интенсивно касались темы Отечественной войны. Русская и иностранная книга толкали мысль юноши к выбору или отрицанию различных истолкований как важнейших событий, так и исторических деятелей той эпохи. Есть основания предполагать, что московская или средниковская библиотека Д. А. Столыпина была особенно полна литературой об отечественной войне: так, в числе подписчиков на книгу Д. П. Бутурлина «История нашествия Императора Наполеона в Россию в 1812 году» (СПБ, 1823) я нашел фамилию генерал-майора Д. А. Столыпина. После его смерти в 1826 г. библиотека пополнялась его вдовой: в числе московских подписчиков на «Историю русского народа» Н. А. Полевого, вышедшую в 1829 г., была названа «ее превосходительство Сталыпина», т. е. Евпраксия Алексеевна. Среди книг о войне 1812 г., помимо указанного труда Бутурлина, где есть интересные подробности о Бородинском сражении, Лермонтов мог в разное время читать следующие пользовавшиеся популярностью сочинения: Ф. Н. Глинка «Письма русского офицера о военных происшествиях 1812 года» (1821)¹; С. Н. Глинка «Записки о 1812 годе первого ратника Московского ополчения» (1836); И. И. Лажечников «Походные записки русского офицера 1812, 1813, 1814, 1815 гг.» (1-е издание в 1820 г.; 2-е издание в 1836 г.); И. Р(аджицкий). «Походные записки артиллериста, с 1812 по 1816 год» (т. IV, 1835—1836 г.)²; Р. Зотов «Рассказы о походах 1812 и 1813 гг. прапорщика Санкт-Петербургского ополчения» (1836).

В воспоминаниях П. Вистенгофа, университетского товарища Лермонтова, приведены слова поэта об его домашней библиотеке, пополнявшейся книжными новинками, вероятно, и заграничными. Среди многих мемуаров и исторических сочинений о походе Наполеона в Россию, вышедших на Западе, некоторые не только были известны русскому читателю в оригинале, но и переводились на русский язык. В числе таких книг прежде всего надо отметить полные красочными эпизодами (особенно о московском пожаре) двухтомные мемуары графа Филиппа де-Сегюра «История Наполеона и великой армии в 1812 году» (1824 г.) и исторический труд, вероятно, читавшегося Лермонтовым Вальтер Скотта «Жизнь Наполеона Бонапарта, императора французов», печатавшийся частями в «Московском Вестнике» (1827) и вышедший в русском переводе С. Шаплета в 1832 г.

¹ См. еще издание в 8 частях 1815 г.

² Отрывок из этих записок был в «Московском телеграфе», 1831, № 4. В «Современнике» 1836 г. об этой книге был отзыв: «Все в ней живо и везде слышен очевидец. Ее прочтут и те, которые читают только для развлечения, и те, которые из книг извлекают новое богатство для ума» (т. I, стр. 305).

Лермонтов имел в своих руках русские журналы, где печатались статьи и воспоминания участников Отечественной войны¹. Его внимание в 1836 г. особенно должен был привлечь Пушкинский «Современник», где теме 1812 г. посвящено немало страниц в разных отделах журнала вплоть до отдела «Новые книги» с рецензиями и библиографическим указателем мемуаров, романов, повестей об Отечественной войне: во II томе были напечатаны «Записки Н. А. Дуровой, издаваемые А. С. Пушкиным»; в III томе «Отрывок из неизданных записок дамы». С французского, т. е. первая часть романа Пушкина о Полине-патриотке 1812 г. В том же томе «Полководец» Пушкина (стр. 192—194), «О партизанской войне» Д. Давыдова; в IV томе «Объяснение» Пушкина со стихотворением о Кутузове «Перед гробницей святой» (стр. 297—298)².

Вызванное толками в светском кругу по поводу стихотворения «Полководец», — когда член Российской Академии Логгин Иванович Голенищев-Кутузов поспешил даже выпустить брошюру против Пушкина с обвинением в неправильном, якобы, освещении им деятельности обоих полководцев М. И. Кутузова и Баркляя де-Толли, — «Объяснение» полно было замечаниями поэта о «великом 1812 годе» — «величайшем событии новейшей истории», о Бородинском сражении «ужасной битве, где равен был неравный спор»³, о «пожарище Москвы» и т. д.⁴.

Приведенных данных достаточно для уяснения вопроса, насколько для Лермонтова жива была тема Отечественной войны в ее устной и книжной традиции. Частое обращение поэта к этой теме и осмысление ее диктовались некоторыми особенностями в развитии русской общественной мысли 20—30 гг. прошлого столетия. Только уяснив историческую обстановку, круг идей, волновавших современника поэта, можно понять, что побуждало его откликаться на эту тему, можно вскрыть глубокую идейную связь поэта с его эпохой, его своеобразную позицию в идейной борьбе различных социальных групп того

¹ См., например, в «Московском телеграфе», 1828, ноябрь, № 28, «Исторические известия о пожаре Московском 1812 г.»; 1834 г., январь, № 2 А. Марлинский. «Отрывок из несочиненного еще сочинения»; в «Библиотеке для чтения», 1836 г., т. XIV. Князь Н. Б. Голицын, «Очерки военных спес 1812—1814 гг.».

² См. также в I т. «Ночной смотр» Жуковского, во II т. «Наполеон и Юлий Цезарь» (о книге Маршана и о записках Наполеона на о. Елены), «Новая поэма Э. Кине» (о Наполеоне, вышла в Париже в 1836 году) и т. д.

³ Стихи из «Бородинской годовщины».

⁴ Столичные толки об обоих полководцах поддерживались в 1836 г., поставленными перед Казанским собором статуями Кутузова и Баркляя де-Толля работы скульптора Орловского.

времени. Автор «Бородина» и других поэтических откликов на события Отечественной войны давал в художественной форме публицистические ответы на злободневные темы современности, выступал со своими историческими экскурсами, насыщенными образно-эмоциональным содержанием, как активный деятель в идеологических спорах своих современников. Известные слова Белинского, что «настоящее жило в каждой капле крови Лермонтова», что Лермонтов был «поэтом, в котором выразился исторический момент русского общества», должны быть применены и к циклу стихотворений Лермонтова о 1812 г. В них поэт отражал не только историческое мировоззрение свое и идейно близких ему современников, но взгляды на историческое прошлое своей родины, отвечавшие боевым темам современной ему общественной мысли.

IV

К числу таких тем относилась тема народности, усиленно обсуждавшаяся на страницах журналов, в университетских аудиториях, в кружках столичной и провинциальной интеллигенции. В ряду причин, вызвавших к жизни в общественном сознании проблему народности, народная война 1812 г. ставилась едва ли не на первое место как идеологами дворянских революционеров в 20-х гг., так и представителями различных идейных течений в русском обществе 30-х гг.

Под утверждением Белинского по этому вопросу могли бы подписаться сосланные декабристы, военные участники 1812 года, и те из современников критика, кто задумывался над судьбами своей родины, ее прошлым и историческими традициями: «12-й год — писал в 40-х годах Белинский — потрясший всю Россию из конца в конец... возбудил народное сознание и народную гордость и всем этим способствовал зарождению публичности, как началу общественного мнения». Многообразны были определения народности, которую наши поэты, ученые, критики искали в литературе, в истории, в быту, в нравах и обычаях, в устной поэзии, в языке. Национально-освободительная война и последующие исторические события, благодаря которым Россия стала активной участницей в международных делах, обострили в общественном сознании вопрос о своеобразии, о самобытности русской культуры, об особенностях русского исторического процесса сравнительно с европейским.

Здесь не место раскрывать давно установленный факт, что в понятие «самобытности» идеологи разных общественных

классов вкладывали разное содержание; излишне также приводить доказательства, что за толками о «самобытности», об отношении «русского» к «западному», о национальном и общечеловеческом стоял очередной вопрос об изменении феодально-крепостнического строя и о переходе страны к тем порядкам, которые складывались на Западе в итоге великой буржуазной французской революции; считаем также не подлежащим сомнению, что пристальное внимание общественных кругов к теме о путях развития национальной жизни вызывалось не прекращавшимся крестьянским движением, возмущенным голосом народной массы, рвавшейся к освобождению от крепостной неволи. Нам важно отметить, что в годы формирования мировоззрения Лермонтова тема народности, самобытности, своеобразия национального характера занимала значительное место в общественном мнении его современников.

Идейное движение в России под знаменем «самобытности» поддерживалось еще одним обстоятельством, которое необходимо учитывать при оценке русской общественной мысли, трактовавшей проблему народности. Это был вызванный сложным комплексом разнохарактерных явлений оскорбительный тон по адресу России во многих органах европейской прессы, в парламентских выступлениях политических деятелей, особенно в немецких исторических и философских трудах 20—30-х гг.¹ Смешивая режим царизма с национальной культурой России, испытывая страх перед растущим могуществом русского государства, неосведомленные в подлинной жизни русского народа, европейские ученые, журналисты и дипломаты нередко выступали с декларациями о «варварстве» России, об антиевропейском типе ее культуры, о необходимости отодвинуть границы России к Азии и пр. и пр. Высказывания подобного рода, естественно, задевали чувство национального достоинства русских людей и привносили особую остроту в их споры о западно-европейской и славяно-русской культуре. Заявление журнала «Московский телеграф» в 1829 г.: «век требует самобытности» было типичным. С этим идеологическим требованием своих современников Лермонтов встречался все годы своей жизни, начиная с пансиона, когда он в том же журнале, в том же 1829 г. читал в статье Ксенофонта Полевого о «Полтаве» Пушкина, что в этой поэме среди других достоинств есть

¹ Ср., например, в берлинских лекциях Гегеля, опубликованных после его смерти в книге «Философия истории» (1837), где находим следующие строки о славянах: «Они составляют нечто среднее между европейским и азиатским духом и потому их влияние на постепенное развитие духа не было достаточно деятельно и важно» (цитирую из книги В. Ламанского «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе», 1871, стр. 62).

«новое: народность... с начала до конца, везде Русская душа, Русский ум»... (№ 7, стр. 337); когда он в том же 1829 г. читал в «Истории русского народа» Николая Полевого: «В настоящей жизни, в действиях своих мы должны быть сынами отечества, гражданами России, ибо космополит будет в сем отношении безумец, самоубийца в гражданском обществе. В ком русская кровь не кипит сильнее при слове: Россия, в добродетели и уме того, я — сомневаюсь». (стр. XXIX, т. I).

«Атеней», «Телескоп» с «Молвой», «Московский Телеграф», «Европеец» — журналы, читавшиеся поэтом в пансионе, в студенческие годы, неоднократно отдавали свои страницы статьям об «Европеизме и народности», о «народном духе», «русском образе взгляда на вещи», «особом сгибе» русского ума, об отличиях «нашей национальной жизни, нашей истории» сравнительно с другими народами и т. п.

В лекциях наставников своих Погодина, Максимовича, в трудах профессоров Московского университета («Русские в своих пословицах» Снегирева, 1831), в статьях И. Киреевского («Обозрение русской словесности за 1829 г.» в «Деннице» за 1830 г.; «Девятнадцатый век», 1832 г.) и Белинского («Литературные мечтания», 1834 г., «О русской повести и о повестях Гоголя», 1835 г.), в «Арабесках» Гоголя («Несколько слов о Пушкине», 1835 г.), в Курсе словесности (1832 г.) и статье своего преподавателя в школе гвардейских подпрапорщиков — Плаксина («О народности в изящных искусствах и преимущественно словесности», 1835 г.), — везде Лермонтов находил теоретические рассуждения о народности, везде слышал призыв: «Станем изучать гений народный в самом народе — в его песнях и сказках, в его заветных думах и священных преданиях...»¹.

V

Одним из таких «священных преданий» для поэта, который в 1831 г. гордо заявлял: «я родину люблю и больше многих», была Отечественная война 1812 г. Два события — Бородинское сражение и пожар Москвы — вызывали в Лермонтове чувство особой гордости за свой народ в его борьбе за национальную независимость.

Об этом «священном предании» русской исторической жизни горячо говорилось в двух кружках, в которых участвовал поэт—

¹ Б. Межевич. О народности в жизни и в поэзии. М., 1836. См. Н. Н. Трубецких. О народной поэзии в общественном и литературном обиходе первой трети XIX в. СПб., 1912, стр. 448.

в студенческом кружке, в годы пребывания Лермонтова в Московском университете и в петербургском кружке журналиста А. А. Краевского. В своем кружке, куда входили товарищи поэта, с значительно развитыми интересами к исторической проблематике, Лермонтов и сам выступал со своими мыслями о событиях 1812 г. и слышал восторженные речи молодых своих друзей о тех же событиях. Читая в 1831 г. роман Загоскина «Рославлев или русские в 1812 году», студенты с волнением останавливались на ярко написанных, отчасти по мемуарам Сегюра, страницах о московском пожаре, и присоединялись к оценке, данной в «Телескопе» (1831, № 14) этому знаменательному событию: «1812 год составляет важнейшую и блистательнейшую эру в общей биографии человеческого рода. Великое зрелище представлял народ русский тогда, когда с беспримерным самоотвержением принес сердце свое, Москву, во всеожжение и дымящимися ее развалинами подавил врага своего величия».

Среди окружающей Лермонтова молодежи с ее разговорами о национальном своеобразии родины, о великом будущем России, выделялся товарищ поэта, А. Д. Закревский, который, выражая задуманные убеждения передовой интеллигенции той поры, патетично доказывал великое значение 1812 г. в истории национальной идеи в России: «1812 год, эпоха столкновения Запада и Востока, родил сознание народа Русского; 1812 год есть начало самобытной национальной жизни России. В самом деле, какой великий переворот произвел в умах этот год наводнения галлов и двадцати языков! Какой переворот произошел в полете русского гения, когда на полях отчизны он встретил чужеземца с оружием, готового похитить святое достояние! Дотоле подражатель, русский сознал себя, ибо воля претягается о чужую волю, ибо человек, ибо народ только между другими народами делается отдельною нацией. Это преткновение есть начало народного сознания, начало самобытной жизни; тогда впервые был слышим свой внутренний голос»...¹.

Отражением этих студенческих бесед была сцена в романтической драме Лермонтова «Странный человек» (1831), где на вопрос Чельева: «Господа, когда-же русские будут русскими?» студент Зарудский отвечал: «А разве мы не доказали в 12 году, что мы русские? Такого примера не было от начала мира...

¹ «Телескоп», 1934, № 20. «Взгляд на русскую историю». Высказывания автора статьи, подобные тому, что 1812 г. «родил сознание народа русского», вовсе не отвергали самобытной национальной основы русской культуры в прошлом: возражая норманской теории Погодина, он указывал на «туземные» стихии в славянской Руси уже в древнейшем (докиевском) периоде истории русского народа.

Мы современники и вполне не понимаем великого пожара Москвы; мы не можем удивляться этому поступку; эта мысль, это чувство родилось вместе с русскими. Мы должны гордиться, а оставить удивление потомкам и чужестранцам. Ура! Господа! Здоровье Пожара Московского...!»

Лермонтов увидел в московском пожаре 1812 г. выражение народной воли, народной формы борьбы с врагом; он отверг версию о Ростопчине, якобы организовавшем поджог столицы, о французах, якобы повинных в сожжении Москвы, одновременно с Пушкиным, вспоминавшим о 1812 г. в своем романе «Рославлев», он расценивал пожар Москвы, как «дело наших рук», как «великую жертву», принесенную самим народом во имя спасения отчизны; вместе с героиней пушкинского романа, «гордившейся именем россиянки», поэт-студент мог бы сказать: «никогда Европа не осмелится уже бороться с народом, который рубит сам себе руки и жжет свою столицу»¹. Лермонтов в речи Заруцкого вспомнил Байрона, который, описывая в «Бронзовом веке» пожар Москвы, удивлялся народному подвигу²; вспомнил, быть может, Вордсворта, писавшего о проявлении героизма русского народа в пылающей Москве, но «удивление» оставил иностранцам, себе — поэту «с русской душой» — только «гордость» за свой народ...

Вероятно, в том же 1831 г., по окончании драмы «Станный человек» (17 июля), подобно Пушкину, который, горько переживая сложную военную и политическую обстановку страны во время польского восстания, обращался к воспоминаниям о

¹ Ср., сходный с лермонтовским взгляд Белинского на пожар Москвы — «эту очистительную жертву за спасение целого народа, этот феникс, вновь возродившийся из своего священного пепла...» См. также у Герцена: «Москва... всякий раз, когда надобно, становится в уровень с обстоятельствами, когда над Русью гремит гроза. Она в 1612 году кровью обвенчалась с Русью; сплывидась с нею огнем 1812 года».

² Москва: предел великого пути!
Карл ледяные слезы лил, — войти
В нее стремясь; вошел лишь он; но там
Летел пожар по замкам и церквам;
В дома солдат зажженный трут совал;
В огонь мужик солому с крыш таскал,
В огонь купец подваливал товар,
Князь жег дворец, — и нет Москвы: пожар!
Что за вулкан! потускли перед ним
Блеск Эты, Геклы вечно рдяный дым;
Везувий смерк, ночей привычный свет
Глазеть туристы любят из карет;
Нет у Москвы соперников, — лишь тот
Грядущий огонь, что троны все пожрет.

(Байрон, поэмы, т. II, перев. Г. Шенгели, М., 1940, стр. 192—193).

«грозном старце» Кутузове и о «великом дне Боро́дина», — Лермонтов посвятил Бородинской годовщине стихотворение «Поле Боро́дина».

Представление поэта об исключительном значении Бородинского боя в истории России было оформлено пафосной концовкой:

...в преданьях славы
Все громче Римника, Полтавы
Гремит Боро́дино!
Скорей обманет глаз пророчий,
Скорей небес погаснут очи,
Чем в памяти сынов полночи
Изгладится оно¹.

Признание за Бородинской битвой важнейшего в послепетровской России исторического события разделялось таким современником поэта, как Белинский, спустя несколько лет после Лермонтова, писавший: «Много славных и блестящих мгновений пережила молодая Россия — молодая и юная, несмотря на свою девятивековую жизнь; много перетерплено было ею славных бед, много перепраздновано славных торжеств; но все они помрачатся 1812-м годом ...уже не раз опытом блестящих побед и славных торжеств сознавала (Россия) свои исполинские силы: но что все эти опыты перед эпохою XII и XIV годов?»...

В своем юношеском стихотворении Лермонтов нашел превосходную форму для определения патриотического одушевления вооруженного народа, готового на жертвенный подвиг во имя родины:

И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой.

Поэт-патриот выразил в своем стихотворении убеждение, что под Бородиным, хоть «день достался нам дороже», чем врагу, победа осталась за русской армией:

Противник отступил...

Лермонтов включил в свое стихотворение немало точных деталей в описании Бородинского боя. Например, многократность неприятельских атак на Семеновские флеши:

Шесть раз мы уступали поле
Врагу и брали у него.

Одна из характернейших подробностей была передана им явно по устному сообщению кого-то из участников Бородинского сражения (о чем ниже).

¹ Ср. еще: Что Чесма, Римник и Полтава?

Этот идейный смысл стихотворения, во многом близко к исторической действительности описывавшего Бородинскую битву, обычно подменялся при его изучении или указаниями на «влияние старых, одических традиций»¹, или анализом его, как «трагического монолога на военно-романтическую тему» с сугубым подчеркиванием «романтической декорации», «романтической фразеологии» как главенствующего в построении сюжета и в речевой ткани принципа, далекого от реальной правды². Что «Поле Бородина» может напоминать стиль торжественной оды только своей концовкой, в остальном являясь памятником другой художественной манеры, это слишком очевидно, но даже патетическая концовка данного стихотворения скорее служит примером ораторской установки автора, чем доказательством связи стихотворения с традицией одописного XVIII в. Наличие условно романтического стиля бесспорно.

(Ср.: Брат, слушай песню непогоды:
Она дика, как песнь свободы.
Или
И пуля смерти понеслася
Из моего ружья).

Но необходимо указать, как за романтической фразеологией в этом стихотворении нередко скрываются реальный факт, конкретная подробность, имевшая место в реальной действительности. Исследователю кажется «мелодраматической, несбыточной сценой» указанная поэтом деталь:

В душе сказав: Помилуй боже!
На труп застывший, как на ложе,
Я голову склонил.

Участник Бородинского боя — артиллерист Николай Любенков вспоминал в 1837 г. ночь после сражения: «Ночь провели на трупах и раненых»³. Исследователь комментирует строку

Шумела буря до рассвета

как «убеждение поэта-романтика в 1831 г.: битва — буря в истории — должна происходить среди бури в природе»⁴.

Между тем в «записках Н. А. Дуровой» читаем следующее описание ночи перед Бородинским боем:

¹ М. Ю. Лермонтов, Полное собрание сочинений, т. I, изд. Academia, Москва, 1936, стр. 508.

² С. Н. Дурьлин, «На путях к реализму», 180—182.

³ «Рассказ артиллериста о деле Бородинском. Сочинение Николая Любенкова». СПб, 1837, стр. 51.

⁴ С. Н. Дурьлин, «На путях к реализму», стр. 182—183.

«Холодный пронзительный ветер леденит тело мое... Вечером вся наша армия расположилась биваками близ села Бородина... В эту ночь... шалаш наш был сделан à jour, и ветер свистал сквозь него как сквозь разбитое окно»... «Ветер не унялся» и под утро¹.

Исследователи (П. В. Владимиров, С. Н. Дурылин) правы, отмечая разного рода недостатки стихотворения. В самом деле, в лице рассказчика — участника Бородинского боя был представлен «некий... романтический субъект, жизненное лицо и социальная позиция которого были совершенно неопределены»². Нето он рядовой («мы... штыки вострили»), нето офицер, недавно прочитавший шестую главу «Евгения Онегина» («Я спорил о могильной сени»; ср. у Пушкина: «Заспорят о могильной сени»), запомнивший пушкинские рифмы в «Полтаве»³ и вообще привыкший к книжной речи («отчизны в роковую ночь», (в памяти сынов полночи)⁴, нето он солдат артиллерист (каким считал его П. В. Владимиров⁵, ср.: «Я, голову подняв с лафета...», «от врагов удар неожиданный на батарею прилетел»), нето он пехотинец («пуля понеслася из моего ружья»).

В батальных описаниях рассказчик находился еще в плену литературной традиции («вождь... перед полками»)⁶. На первом плане выступает его субъективное я («я сказал...», «я вспоминаю, леденею весь», «уж я не помню ничего» и т. д.), хотя участник боя не мог не ощутить коллективного чувства, своей связи с массой («всю ночь у пушек пролежали мы без палаток, без огней»; «и мы погибнуть обещали»; «безмолвно мы ряды сомкнули»; и т. д.). Автор стихотворения был еще далек от объективирования исторической картины, его метод изображения исторического события рассыпался на противоречивые тенденции; его рассказчику боя не хватало бытовой типичности.

Однако, как ни был несовершенен юношеский набросок Лермонтова, — следует все же иметь в виду замечание новейшего исследователя, что «Поле Бородина» было большим но-

¹ «Современник», 1836, т. III, стр. 85. См. также в «Записках прусского генерала-от-инфантерии Брандта о походе Наполеона в Россию в 1812 г., где говорится о «холодной ночи» 25 августа: Резкий ветер рано поднял всех на ноги» («Военный сборник», 1870, № 3, стр. 15).

² С. Н. Дурылин, стр. 180.

³ Ср.:

Безмолвно мы ряды сомкнули Полки ряды свои сомкнули
Гром грянул, завизжали пули Катятся ядра, свистут пули

⁴ Современник 1812 г., — Н. Любенков продолжал еще четверть века спустя подобную фразеологию; см. в его рассказе стр. 18—21 («Роковая битва», «Роковая ночь... черная, глубокая ночь, как мысли мои» и пр.).

⁵ См. стр. 26.

⁶ Ср. «Бородинское поле». Д. Давыдова (1829).

ваторством в истории русской строфики¹, — поэт в понимании крупнейшего события русской истории стоял на том пути, на котором вскоре ожидала его большая творческая удача.

VI

В августе 1832 г. Лермонтов приехал в Петербург для продолжения своего образования. В конце этого месяца он присутствовал на торжественной церемонии установки Александровской колонны на Дворцовой набережной.

Об этой церемонии писал К. Я. Булгаков своему брату в Москву 29 августа («Вчера пробовали приподнять колонну и подняли ее на 5 аршин») и 31 августа («О колонне только скажу, что подняли ее и поставили не менее, нежели в два часа. Зрелище было прекрасное... В прекраснейшее утро...»)² Высокая колонна, поставленная в честь Александра I, которого официально историки называли освободителем России в борьбе с наполеоновской армией, вызвала у Лермонтова, по ассоциации, представление о высокой колокольне Ивана Великого в московском Кремле, который жил в сознании поэта, как напоминание о величайших исторических событиях в его стране.

Так возникло стихотворение «Два великана», написанное в начале сентября 1832 г. В процессе работы автор уничтожил намек на изображение Отечественной войны, как столкновение двух императоров, — в автографе был зачеркнут вариант:

Страшны (сильны) миру были оба
С гордым пасмурным челом.
Но в одном (кипела) таилась злоба,
А презрение в другом.

Лермонтов отбросил господствовавшую не только в официальных кругах версию об Александре, спасителе России, а написал стихотворение о борьбе русского народа с французским императором, о победе в 1812 г. русского народа, а не русского царя.

Распространенное толкование этого стихотворения, как «сказочно-аллегорического изображения борьбы Наполеона с Александром I»³, в корне ошибочно. Именно с этой псевдо-

¹ И. Н. Розанов отметил, что строфы, представляющей из себя одиннадцатистишие, какой было написано «Поле Бородина», нет ни у Жуковского, ни у Пушкина, ни у Байрона («Лермонтов мастер стиха», стр. 43).

² «Русский архив», стр. 84—85.

³ Полное собрание сочинений Лермонтова. Изд. Academia, 1936, т. I, стр. 523. См. также у Б. М. Эйхенбаума: стихотворение «Два великана», изображающее в стиле солдатских песен борьбу Наполеона с Александром I, или, вернее, Франции с Россией. (М. Ю. Лермонтов, т. I. Изд. «Советский писатель», 1940, стр. 330).

исторической точкой зрения молодой поэт боролся, выступив с подлинно-патриотическим народным мнением, что Россия своим спасением от иноземного врага была обязана только самому народу.

Если Пушкин, иронизировавший над Александром I, говорил в эпиграмме 1824 г., что царь «в двенадцатом году дрожал», но желая быть исторически правдивым в передаче своих чувств лицейской поры, в 1836 г., празднуя лицейскую годовщину, при воспоминании о «грозе двенадцатого года» и о «восторге» перед Александром, вернувшимся из Парижа в ореоле славы, называл его «Агамемноном», «народов другом, спасителем их свободы», то Лермонтов, человек другой эпохи, нового поколения, не имел тех лирических воспоминаний об Александре I, которые были присущи современникам Пушкина; он знал «кочующего деспота», «в лице и в жизни арлекина», «венчанного солдата» в запретных стихах своего учителя и потому остался верен тому историческому чувству, которое заставило Пушкина уехать в 1834 г. из Петербурга, чтобы не присутствовать на освящении Александровской колонны.

Первая же строчка «Двух великанов» напоминала об Иване Великом: «В шапке золота литого» комментируется письмом Ф. Вигеля, которому, когда он подъезжал к Москве в июле 1814 г., как и многим при виде Москвы, прежде всего бросился в глаза золотой купол Ивана Великого: «около полудня 18 июля увидел я издали Москву... золотая шапка Ивана Великого горела вся в солнечных лучах, как бы венец сей новой великомученицы»¹.

Еще раньше, в 1831 г., колокольня Ивана Великого рисовалась поэту башней-великаном:

Кто видел Кремль в час утра золотой,
Когда лежит над городом туман,
Когда меж храмов с гордой простотой,
Как царь, белеет башня-великан?²

Сменяя одну ассоциацию другой, поэт заместил образ Ивана Великого образом Кремля. «Хвать за вражеский венец» — применение к Кремлю попытки Наполеона нанести вражеский удар родине поэта. Ср. в «Панораме Москвы»:

«Что сравнить с этим Кремлем, который, окружась зубчатыми стенами, красуясь золотыми главами соборов, возлежит на высокой горе, как державный венец на челе грозного владыки?..».

¹ Ф. Вигель, Записки, ч. IV, стр. 121 (курсив наш. — Н. Б.).

² Соч. Лермонтова, т. I, стр. 222, изд. 1936.

Кремль обычно у поэта сравнивался с «русским великаном», Ср. в поэме «Сашка» (1839).

Москва, Москва!.. Люблю тебя как сын,
Как русский, — сильно, пламенно и нежно!
Люблю священный блеск твоих седи
И этот Кремль зубчатый, безмятежный.
Напрасно думал чуждый властелин
С тобой, столетним русским великаном,
Померяться главою...

Образ «русского великана», «сторукого исполина» («Вадим»¹, богатыря устных сказаний² — это в сознании поэта обычно символ русского народа. Так, образ Кремля — «русского великана» — стал адекватным образу «русского витязя», который для поэта был символом могущества русского народа. Французскому узурпатору, кратковременно воспользовавшемуся властью, Лермонтов противопоставил русский народ с его многовековой историей, полной славных воспоминаний о победах над врагами: так возникла антитеза — Наполеон, «трехнедельный удалец»; Россия, «старый великан». «Дерзкому» завоевателю, пришедшему с «грозою военной», поэт противопоставил «русского витязя», который будучи уверен в своей силе, отвечал врагу «улыбкой роковой»:

Посмотрел — тряхнул главою...
Ахнул дерзкий и упал!

Наполеон был назван дерзким (см. еще: «рукою дерзновенной»).

Поэт применил к нему эпитет, употребленный в стихотворении 1829 г. «Наполеон»:

...воин дерзновенный
Ты побежден московскими стенами...
Бежал!..

В этом эпитете поэт сохранил традиционное представление о Наполеоне, которое он мог встретить у Карамзина («Освобождение Европы»), Пушкина («дерзостью венчанный царь» 1814; «в свое погибельное счастье ты дерзкой веровал душой» — в стихотворении «Наполеон»), в басне Крылова

¹ Ср. у Герцена: «Наполеон проник с полумиллионным войском в самое сердце исполина и уехал один украдкой...» (Полное собрание сочинений, т. VI, стр. 437).

² См. запись поэта о России в 1841.

(«Ворона и курица»), в «Письмах русского офицера» Ф. Глинки («дерзкий Наполеон», изд. 1815 г., ч. IV, стр. 12) и т. д.¹

Видеть в «Двух великанах» влияние стиля quasi-солдатских песен на основании стиха «за горами, за долами» нет основания: этот стих уже в народной песне, сочиненной С. и напечатанной в «Вестнике Европы» 1814 г., как перевод популярной французской песни («*Napoleon à danser*»), мог быть заимствован из устной простонародной речи².

Стихотворение Лермонтова было оригинальной попыткой поэтически выразить первенствующую роль народа в военных событиях, приведших к гибели Наполеона, к ссылке его на остров Елены (см. конец «Двух великанов»).

В образном раскрытии этой глубокой темы — непроходящее значение юношеского произведения поэта.

VII

Тема народа, как движущей силы исторического процесса, проблема России и Запада, вопрос о путях развития русской истории, о своеобразии национального характера служили предметом оживленных дискуссий в кружке А. А. Краевского, с которым познакомил поэта его друг Святослав Раевский. Помощник редактора «Журнала министерства народного просвещения», интересовавшийся историей и политической экономией, философией и педагогикой, А. А. Краевский в эти годы обладал тем чутьем к веяниям времени, к запросам молодой аудитории, которое он обнаружил, став в 1837 г. редактором «Литературных прибавлений к Русскому Инвалиду» и в 1838 г. «Отечественных записок». Раевский — энтузиаст народной поэзии, знаток русской истории, «эконом-политический мечтатель», фурьерист, тоже тяготел к литературной деятельности. Большая статья Краевского «Мысли о России», напечатанная в двух первых номерах «Литературных прибавлений к Русскому Инвалиду» 1837 г. (2 и 9 января), будучи программной, четко знакомит с тем кругом воззрений по вопросу о народности, который дебатировался в кружке. Лермон-

¹ См., например, в брошюре А. Булгакова 1813 г.: «На Бородинском поле погребены дерзость, мнимая непобедимость, гордость и могущество счастливца» («Русский архив, 1908, № 8, стр. 526»); в книге полковника Д. Бутурлина «История нашествия императора Наполеона в Россию в 1812 году», (СПБ, 1823, стр. 206 и др.; здесь приведены рескрипты, манифесты Александра I, написанные Шишковым, в которых не раз Наполеону были приписаны «дерзость» и «злое намерение» разрушить русскую державу; ср. вариант в автографе «Двух великанов»).

² Н. Н. Трубицын, О народной поэзии, стр. 255—256

гов, проявивший большой интерес к историческим темам, к народному движению в России и на Западе, был в 1835—1836 гг. деятельным участником в товарищеских беседах бывших студентов Московского Университета, которые не во всем были солидарны друг с другом.

Не случайно в своем «Объяснении» Раевский поставил рядом два стихотворения — «Бородино» и «Умиравший гладиатор». Первое было написано о России, второе — о Западе.

Статья Краевского дает право установить, что эти стихотворения связаны единством темы о двух культурах, о своеобразии и различии западноевропейского и русского мира... Когда Краевский, отлично знающий западную публицистику, где с разных социальных позиций обсуждался кризис буржуазной культуры, писал, что «утомленная жизнью, перепробовавшая, повидимому, все пружины существования (Европа) жаждет освободительного обновления, которое возбудило бы в сердце ее прежнюю энергию», что европейская наука, общество за последние 25 лет поражены отсутствием «великой плодотворной идеи, которая бы могла начать собою эпоху умственного возрождения», — становится понятным, что заключительная строфа в «Умиравшем гладиаторе» об «европейском мире», «когда-то пламенных мечтателей кумире», клонящемся «к могиле бесславной головой», отражала те разговоры о западной культуре, которые велись в кружке Краевского, разговоры, отнюдь не «повторявшие суждения» славянофилов, в частности Ю. Самарина, с которым якобы сблизился в это время Лермонтов, как об этом читаем в комментарии стихотворения в собрании сочинений Лермонтова (изд. Academia, т II, стр. 164): в 1835—1836 гг. не было славянофильской школы и Лермонтов не был знаком со студентом Самариним.

В статье Краевского подчеркивалось духовное богатство русского народа, его «необычайная даровитость», проявившаяся в литературе (Державин, Крылов, Грибоедов, Жуковский, Пушкин), в музыке (Глинка), в философии (Григорий Сковорода), в появлении талантов из простолюдинов; главнейшими свойствами «русского характера» признавались «предприимчивость и отвага»: народ русский был назван «народом юным, свежим, одаренным от природы всеми благами ума и сердца», которому предназначено великое будущее: «величественна судьба русской народности», — восклицал автор в конце своей статьи. Лермонтову были близки эти взгляды на русский народ, на героическое прошлое и светлое будущее его страны.

Осенью 1836 г. проблема Запада и России встала перед участниками кружка с необычайной остротой. В «Телескопе» по-

явилось «Философическое письмо» Чаадаева, потрясшее, по словам Герцена, всю мыслящую Россию¹.

Чаадаев давно не разделял того скептицизма по адресу своей родины, которым была насыщена его статья, написанная им в 1829 г.

В ноябре 1835 г. он делился своими соображениями с А. И. Тургеневым о преимуществе России по сравнению с Европой, как страны, которая пойдет по пути общечеловеческого прогресса быстрее других, ибо она пришла позднее и имеет весь их опыт и весь труд предшествовавших веков, и писал ему о мировом значении России: «Мы призваны обучить Европу бесконечному множеству вещей, которых ей не понять без этого. Не смейтесь: вы знаете, что это мое глубокое убеждение. Придет день, когда мы станем умственным средоточием Европы, как мы уже сейчас являемся ее политическим средоточием, и наше грядущее могущество, основанное на разуме, превзойдет наше теперешнее могущество, опирающееся на материальную силу...»².

Статья в «Телескопе» развивала диаметрально-противоположные взгляды; произнося обвинительный приговор настоящему своей страны, Чаадаев писал: «мы живем... без прошедшего и будущего, среди мертвого застоя».

Философия русской истории в статье Чаадаева встретила решительный отпор среди участников кружка. Краевский, не называя автора «Философического письма», выступил с возражением в своей статье «Мысли о России», указывая, что «Русь, в тишине уединения, медленно и тайно приготавлилась к тому блистательному поприщу, которого границы теперь с каждым днем становятся яснее и яснее». Лермонтов, задыхавшийся в крепостнической «стране господ, стране рабов», разделял, подобно Пушкину³, мрачную оценку современности, данную Чаадаевым. «Дума» Лермонтова (1838) во многом была идейно родственна «Философическому письму»⁴. Но рассуждения Чаадаева, что в русской истории нет «ни пленительных воспоминаний, ни грациозных образов в памяти народа, ни мощных

¹ № 15 «Телескопа» вышел в конце сентября 1836 г.

² П. Я. Чаадаев, Соч. и письма, т. II, стр. 201.

³ Пушкин писал Чаадаеву: «Надо признаться, что наше общественное существование представляет собою грустное явление. Это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всему, что является долгом, справедливостью и истиной, это циническое презрение к мысли и достоинству человека — воистину приводит в отчаяние. Вы правы, что возвысили против всего этого голос».

⁴ Сопоставления между «Думой» и «Философическим письмом» были сделаны мной в статье «Поэтическая исповедь русского интеллигента 30—40 гг.» («Венок Лермонтову», М., 1914).

поучений в его предании», были чужды поэту. Чаадаевское представление об историческом пути России («сначала — рабское варварство, потом глубокое невежество» и пр. с отсутствием в ее «юности» «периода бурной деятельности, кипучей игры духовных сил народных») противоречило всему строю исторических взглядов Лермонтова.

Уже ранние его поэмы и баллады, юношеские замыслы стихотворных и прозаических произведений осуществляли позднейшее суждение Белинского, что «русская история... включает в себе для романа и драмы такие же богатые материалы, как и европейская... Какие эпохи, какие люди! Да их стало бы несколько Шекспирам и Вальтер-Скоттам». «Последний сын вольности», «Олег», «Литвинка», «Боярин Орша» рисовали полные борьбы эпохи русской истории: и древнейший период и средние века русской истории, рисовали «отчизны верных сынов», сражавшихся за «родину святую», мечтавших о «милой вольности», проливавших, «не размышляя», кровь за «милый край», молившихся перед битвой, «чтоб не погибло любезное имя России», перед смертью после боя просивших, чтоб об их подвигах было рассказано «какому-нибудь певцу», «чтобы этой песнью возбудить жар любви к родине в душе потомков». Не «тусклым и мрачным существованием», как казалось Чаадаеву, были заполнены многие страницы русской истории: по мнению поэта, у русского народа так же, как у европейских народов, есть «героический элемент своей истории, своей поэзии», есть свои «яркие воспоминания»¹.

Имена Ивана Грозного, Годунова, Минина, Петра Первого были для Лермонтова овеяны такими воспоминаниями о крупных исторических деятелях, о славных событиях в истории своей родины. О прошлом своего народа, которое отрицали иноземные враги его страны, поэт писал, имея в виду одного из этих хулителей²:

...Он не рожден
Под нашим небом; наша степь святая
В его глазах бездушных — степь простая,
Без памятников славных, без следов,
Где б мог прочесть он повесть тех веков,
Которые с их грозными делами,
Унесены забвения веками...

¹ Лермонтов, продолжавший в русской поэзии традицию декабризма, должен был по меньшей мере с недоумением отнестись к оценке Чаадаевым 14 декабря 1825 г., как «громдного несчастья, отбросившего нас на полвека назад». Также неприемлемой была для Лермонтова идея провиденциализма в исторических воззрениях Чаадаева.

² По разысканиям Э. Г. Герштейн, Лермонтов имел в виду немецкого историка и публициста Гёрреса.

На школьной скамье, как и Пушкин, поэт, вспоминая XVIII в., благоговейно останавливался перед образом Петра Первого. По поводу «фантастической громады» — Сухаревской башни — Лермонтов писал: «Она гордо взирает на окрестности, будто знает, что имя Петра начертано на ее мшистом челе! Ее мрачная физиономия, ее гигантские размеры, ее решительные формы, все хранит отпечаток другого века, отпечаток грозной власти, которой ничто не могло противиться». Мы уже указывали, что Лермонтов вспоминал в 1831 г. о Полтавской битве, которую Пушкин определял, как «одно из самых важных и самых счастливых происшествий царствования Петра Великого... (она) доказывала государству успех и необходимость преобразования, совершаемого царем» и о значении которой Белинский писал: «вечно памятен день, как Россия громами Полтавской битвы возвестила миру... о своем вступлении на поприще всемирно-исторического существования».

Среди фактов военной истории, запечатленных славой русского оружия, побед русского народа, Лермонтов вспоминал суворовские походы, вспоминал Рымник, Прагу¹, штурм Измаила, вспоминал Chesменскую победу русского флота.

Лермонтов высоко ставил духовную культуру своего народа. С детских лет окруженный песенной стихией русской деревни, большой ценитель народных сказок, былин и песен, он юношей писал, что в устном творчестве русского народа «верно, больше поэзии, чем во всей французской словесности». Восхищаясь замечательным памятником русского самобытного зодчества — храмом Василия Блаженного, поэт высказал примечательную мысль, свидетельствующую об его эстетическом чувствовании в русскую старину и об его горести по поводу небрежения к ней русских исследователей: в то время, как «семидесяти приделам (церкви Василия Блаженного) — по его словам — дивятся все иностранцы, ни один русский не потрудился еще описать подробно» этого старинного памятника русской культуры.

Чувство историзма наиболее интенсивно пробуждалось у Лермонтова, когда он вспоминал об исторических событиях, связанных с Москвой. Можно говорить о лермонтовскомulte столицы России. «Москва» — в его глазах — «не есть обыкновенный город, как тысячи; ...нет! у нее есть своя душа, своя жизнь... Каждый камень (Москвы) хранит надпись, начертанную временем и роком, надпись для толпы непонятную, но богатую, обильную мыслями, чувством и вдохновением для ученого, патриота и поэта». Поэт-патриот повторил через несколь-

¹ Предместье Варшавы.

ко лет ту же мысль в поэме «Сашка», когда вспоминал народную войну 1812 г., оставление французской армией Москвы и неудавшуюся попытку Наполеона взорвать Московский Кремль:

..... Величавый,
Один ты жив, наследник нашей славы.
Ты жив!.. Ты жив, и каждый камень твой —
Заветное преданье поколений.

Описывая барский дом на Пятницкой улице, уцелевший в 1812 г. от бушевавшего в Замоскворечье пожара. Лермонтов возвращается к военным событиям той поры и после характерной детали («круглого стола на витых ножках, в ражеской рукой исчерченного») рисует яркими фактами крушение наполеоновского похода, «падение» того, «кто нам грозил и пленом и стыдом», и славу священного Кремля.

..... жалок и печален
Исчезнувших пришельцев гордый след.
Вот сабель их рубцы, а их уж нет.
Один в бою упал на штык кровавый,
Другой в слезах без гроба и без славы.
Ужель никто из них не добежал
До рубежа отчизны драгоценной?
Нет, прах Кремля к подошвам их пристал,
И русский бог отмстил за храм священный...
Сердитый Кремль в огне их принимал
И проводил, пылая, светоч грозный...
Он озарил им путь в степи морозной —
И степь их поглотила...

Так, поэт, охваченный историческими воспоминаниями, неоднократно в своих стихах воссоздавал героические события минувших лет.

Приближавшаяся годовщина Отечественной войны давала Лермонтову повод доказать наличие «заветных преданий» в народной памяти и тем самым вскрыть антиисторичность концепции Чаадаева¹. Он вспомнил свой юношеский набросок «Поле Бородина» и решил его переработать. Годы раздумий поэта об исторических судьбах своей родины, личный опыт непосредственных наблюдений над народной, крестьянской массой во время поездок в Тарханы, в трехлетних встречах с рядовой, солдатской массой расширили его мировоззрение, привели в процессе переработки им давнего произведения к новому со-

¹ Герцен, считая «жалобу (Чаадаева) законной» («голос его высказал ужасающую правду»), в то же время признавал, что «Чаадаев был во многом неправ» (1849). Статьи Белинского 30-х гг. также обнаруживали несогласие критика с историческим скептицизмом Чаадаева.

зданию, художественно зрелому, гениальному памятнику национальной славе, народному подвигу.

Стихотворение Лермонтова создавалось в напряженной борьбе идей, кипевшей в середине 30-х гг. в русском обществе. «Бородино» было полемическим ответом «Философическому письму», его исторической теории. «Окиньте взглядом все прожитые нами века... вы не найдете ни одного привлекательного воспоминания, ни одного поучительного памятника, который властно говорил бы Вам о прошлом, который воссоздал бы его перед вами живо и картинно», — писал Чаадаев.

Лермонтов отвечал ему, напоминая о 1812 г., эпохе величайшего напряжения народных сил, в результате чего Россия сохранила свою национальную независимость; напоминая о героической борьбе народа с прославленным полководцем, в результате чего нашла свою гибель в снегах России многотысячная армия интервентов; напоминая ему о «мощном поучении» для потомков в том грандиозном событии, каковым было Бородинское сражение, Наполеоном названное «битвой гигантов». Лермонтов своим стихотворением сказал Чаадаеву то, что Пушкин написал в неотправленном письме автору «Философического письма»: «что касается нашего исторического ничтожества, я, разумеется, не могу согласиться с вами». Своим стихотворением молодой поэт показал философу-скептику, как «живо и картинно» можно рисовать прошлое своей страны, богатое «плейтельными воспоминаниями».

Белинский видел основную идею «Бородина» в том, что поэт выразил свою «жалобу на настоящее поколение, дремлющее в бездействии, зависть к великому прошлому, столь полному славы и великих дел». Эта превосходная характеристика общественной идеологии поэта, который гордился историческим прошлым своей родины, включает в себя также признание, что Лермонтов мечтал о героическом, жаждал действительной жизни и в народной среде видел людей, способных к подвигу, искал и находил среди народа героические характеры.

Эти мысли о народе, носителе «славы и великих дел», одновременно с Лермонтовым были достоянием его гениальных современников — Гоголя, Пушкина, Глинки. Эпопея «Тарас Бульба», роман «Капитанская дочка», опера «Иван Сусанин»¹, стихотворение «Бородино» стоят в одном ряду, как художественные страницы о героическом народе, о героических людях из народа, для которых родина и свобода неразрывно едины. Все четыре художественные создания 30-х гг. XIX в. —

¹ В первоначальном плане Глинки его опера называлась: «Отечественная (зачеркнуто: националь) героико-трагическая опера».

золотой фонд русского классического искусства, почвой которого были народ, его история, его фольклор.

VIII

Стихотворение Лермонтова можно назвать поэтической летописью Бородинского сражения, поэтическим произведением, по точности описания равным историческому документу.

Лермонтов был точен в употреблении слов, которые применялись современниками к важнейшим событиям Отечественной войны.

Скажи-ка, дядя, ведь не даром
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдана.

На этот вопрос участник Отечественной войны дважды повторил:

Не будь на то господня воля¹,
Не отдали б Москвы.

Лермонтов исторически точно сказал, что русские в 1812 г. отдали, но не сдали Москву. «Сдачи Москвы не было», — писал С. Глинка². Ростопчин в 1812 г. говорил: «Москва была отдана за Россию, а не сдана на условиях. Неприятель не вошел в Москву — он был в нее впущен — на пагубу нашествия»³.

«Тот, кто предложил бы сдать Москву без выстрела, несомненно прослыл бы изменником в глазах всего народа», — свидетельствовал Бутурлин⁴. О любопытном эпизоде в связи с употреблением этого слова рассказывают мемуаристы:

Когда в Москве из ворот старой крепости 2 сентября выступал с музыкой гарнизонный полк под начальством генерал-лейтенанта Брозина, начальник арьергарда Милорадович, увидав это, закричал:

— Какой негодяй вам приказал итти с музыкой?

Командир хладнокровно ответил:

— В Регламенте Петра Великого сказано, если гарнизон при сдаче крепости получает дозволение выступать свободно, то выходит с музыкой.

¹ «Когда б на то не божья воля».

² Записки о 1812 г., 1836, стр. 87.

³ Сергей Глинка, Записки о Москве и о заграничных происшествиях от исхода 1812 г. до половины 1813 г. СПб. 1838, стр. 59 (ср. на стр. 67 слова С. Глинки: «Москва не сдана была, а отдана в добычу нашествия»).

⁴ Е. Тарле, Нашествие Наполеона на Россию, 1812 г., М., 1938, стр. 120.

Пораженный таким ответом, Милорадович вспыхнул:

— Разве в Регламенте Петра Великого есть что-нибудь о сдаче Москвы. Прикажите замолчать вашей музыке¹.

Пушкин в 1836 г. писал: «Один Кутузов мог отдать Москву неприятелю» («Объяснение»); Белинский в 1839 г. писал: «мысль, что Москва будет отдана неприятелю, заставляла (солдат) громко роптать» («Очерки Бородинского сражения»²).

В своем стихотворении Лермонтов указал, что русская армия с начала вторжения неприятельской армии до Бородинского боя имела не мало крупных сражений, что Бородино — лишь один из этапов в кровопролитной борьбе русского народа в 1812 г.

Ведь были ж схватки боевые,
Да, говорят, еще какие.

Поэт знал героические подвиги русской армии под Кобриным 15 июля, при Клястице 17 июля и особенно под Смоленском в начале августа, когда защищавшие город войска под командованием Раевского, Дохтурова, Коновницына, несмотря на превосходящие силы противника, «не уступали ни на шаг, дрались как львы под стенами, на стенах и за стенами Смоленска», по свидетельству Федора Глинки³. Участник смоленского сражения, артиллерист И. Радожицкий, в своих записках дал описание этой обороны старинного русского города на подступах к столице России, как явления беспримерного по мужеству русского солдата в войне 1812 г. до Бородинской битвы. «Ужасы (сражения) были неизъяснимы, — писал он. Несколько сот ядер и гранат свистели и лопались одни за другими, воздух вокруг города помрачался от дыма, земля стонала и, казалось, из утробы своей извергала адское пламя — смерть не успевала глотать свои жертвы. Гром, треск, пламя, дым, стон, крик, все вместе представляло ужасный хаос разрушения мира... Гранаты неприятеля зажигали внутри города строения и перед нами явилась новая картина ужасов: битва среди пожара. Какую твердость духа имели тогда русские, оставленные для защиты пылающего Смоленска! Ядра, пули, обломки камней, падающие с огнем бревна, все несло на них смерть и разрушение. Но примером мужества командующих в городе генералов

¹ «Русский Архив», 1875, XI. Об этом же писал Бутурлин в указанном выше труде (стр. 310—311).

² См. также «Офицерские записки или воспоминания о походах 1812, 1813 и 1814 годов» князя Н. В. Голицына. М., 1838, стр. 19. С. Г. Волконский в своих «Записках» писал: «общий дух армии не пал... когда известно стало, что Москву передаем без защиты неприятелю» (стр. 157).

³ Письмо от 8/20 августа в «Письмах русского офицера» (М., 1821 г.).

Дохтурова, принца Евгения и Коновницына россияне были тверды: они умирали среди пламени в развалинах города, презирая все ужасы»¹.

После взятия французами сгоревшего Смоленска, «русские (по словам Ф. Глинки) отступали, как парфы, поражая своих преследователей. Это отступление сопровождалось непрерывными боями. Не было ни одного, хотя немного выгодного места, переправы, оврага, леса, которого не ознаменовали боем. Часто такие бои завязывались нечаянно, продолжались по целым часам».

В своем стихотворении поэт не называл имена полководцев, в частности Барклая де-Толли, но отношение армии к первому периоду войны, связанному с именем этого генерала, он передал согласно народному мнению.

Мы долго молча отступали,
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
«Что ж мы? На зимние квартиры?
Не смеют что ли командиры
Чужие изорвать мундиры
О русские штыки?»

По словам Б. М. Эйхенбаума, «в «Бородине» на роль Барклая нет никакого намека»², но приведенный отрывок с полной определенностью вскрывает оценку тактики военного министра и командующего первой армии, сложившуюся в войсках. Сам Лермонтов, видимо, разделял то отношение к Барклаю, которое было у Пушкина, автора послания «К полководцу» и «Объяснения». Его стихотворение «Великий муж! Здесь нет награды, достойной доблести твоей», комментируемое известными словами Пушкина («Барклай, не внушающий доверенности войску ему подвластному, окруженный враждою, язвимый злоречием, но убежденный в самом себе, молча идущий к сокровенной цели и уступающий власть, не успев оправдать себя перед глазами России, останется навсегда в истории высоко-поэтическим лицом»), показывает, что поэт в 1836 г. одновременно с Пушкиным предавался «грустным размышлениям о заслуженном полководце», чье «стойческое сердце» должно было пережить много тяжелого, когда «отступление (полководца), которое ныне является ясным и необходимым действием, казалось вовсе не таковым». Но поэт вместе с Пушкиным же должен был признать, что воля народа требовала

¹ И. Р. Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 гг., ч. 1, стр. 111.

² М. Ю. Лермонтов, Стихотворения («Библиотека поэта»), т. 1, 1940, стр. 308.

инного «командира», что «народной доверенности» не было у этого полководца. «Бородино» продолжало пушкинское «Объяснение» в народной оценке Барклая («и не только роптал народ ожесточенный и негодующий, но даже опытные воины горько упрекали его, почти в глаза называли изменником») и отражало как устные толки в военных кругах, например, взгляды Ермолова, известные Лермонтову, так и мнения различных мемуаристов. Поэт читал у Федора Глинки, как армия с нетерпением ожидала генерального сражения с неприятелем, как солдаты были недовольны своим «отступлением»: «солдаты наши желали, просили боя. Подходя к Смоленску, они кричали: «Мы видим бороды наших отцов, пора драться» (ср. в письме от 18/30 июля: «Мы уже видим седые бороды отцов наших», — говорят они: «отдадим ли их на поругание? — Нет! Не бывать этому! Сыны их умеют сражаться и умирать»¹. Поэт читал в «Современнике» в «Записках Н. А. Дуровой», как по поводу отступления «со всех сторон слышны заключения и догадки, одни других печальнее и нелепее»². Можно не приводить мемуарных свидетельств, вышедших после лермонтовского стихотворения³, они все подтверждают точность в описании настроения русской армии во время июльского отступления («боя ждали»). Заслуживает внимания указание на то, что среди недовольных тактикой отступления были выделены «старички» («ворчали старички»). Устами рассказчика поэт подчеркнул боевые традиции суворовских походов, славу русской армии, привыкшей побеждать. Рассказчик, вспоминая о Бородинском бое, назвал своих старших товарищей «богатырями» — так Суворов обращался к своим солдатам — они-то особенно рвались «чужие изорвать мундиры о русские штывки». Офицер Лермонтов знал заветы Суворова и внес эту суворовскую окраску в речи соратников гениального полководца, помнивших знаменитые изречения: «стреляй редко да метко, штывком коли крепко; пуля обмишкулится, штывк не обмишкулится, пуля — дура, штывк — молодец»; «при всяком случае наименее неприятелю страшный ему наш штывк, которым наши солдаты исправнее всех в свете работают»; «у неприятеля те же руки, да русского штывка не знают», «штывк, быстрота, внезапность суть вожди россиян»⁴.

¹ «Письма русского офицера», ч. IV, 1815, стр. 21.

² «Современник», 1836, т. II, 82 стр.

³ «Записки Михайловского-Данилевского» («Исторический Вестник», 1890, т. XLVIII, № 10, стр. 141); «Воспоминания о войне 1812 г.» Н. Е. Митареаского (стр. 46—47) и др.

⁴ Заветы Суворова. Сборник суворовских изречений. Составил К. Пигарев. М., 1943, стр. 16—17.

Лермонтов был точен в описании Бородинского боя. Один исследователь (Ираклий Андруничков) пишет, что «Лермонтов описал в своем стихотворении самое важное место сражения — на центральной батарее, или, как ее называли еще, «редут Раевского», для подтверждения своей мысли он ссылается на стихи:

...Сквозь дым летучий
Французы двинулись как тучи
И все на наш редут.

Другой исследователь (С. Н. Дурылин), ссылаясь на 10-ю строфу, предполагает, что «рассказчик (в стихотворении Лермонтова) был участником героической обороны Семеновского редута». Те и другие суждения нуждаются в существенной поправке.

В полном согласии с исторической действительностью Лермонтов описал не только знаменитое сражение 26 августа, но и те два дня — 24 и 25 августа, которые были как бы введением к Бородинской битве. 24 августа было кровопролитнейшее сражение у Шевардинского редута, 25 августа прошло в подготовке обеих армий — русской и иноземной — к генеральному бою на следующий день. Вот об этих трех днях, оставивших историческое воспоминание о великом событии, которое носит имя Бородино, и рассказано в стихотворении Лермонтова.

4-я и 5-я строфы относятся к битве под Шевардиным, 6-я и 7-я строфы рисуют главным образом день 25 августа и ночь на 26 августа и лишь с 8-й строфы дано описание сражения 26 августа.

И вот нашли большое поле:
Есть разгуляться где на воле!
Построили редут.

Выбранная 22 августа позиция для боя находилась на правом берегу р. Колочи от Доронина и Шевардина через село Бородино и носила равнинный характер: «позиция, в которой я остановился при селе Бородино, — сообщал 23 августа Кутузов Александру I, — одна из наилучших, какую только на плоских местах найти можно». На левом фланге при деревне Шевардино был построен редут. На небольшие части русской армии, не успевшие покинуть это укрепление, которое было признано негодным после передвижения 2-й армии за Семеновский овраг, Наполеон бросил громадную армию. Редут переходил несколько раз из рук в руки и был занят французами только по оставлении нашими войсками¹.

¹ В. Колюбакин. Бородинское сражение, «Инженерный журнал», 1912, № 8, стр. 232.

Обе стороны понесли значительные потери. Когда Наполеон спросил у полковника 61 полка, где его третий батальон, тот сказал: «Sir, est dans la redoute»¹. Один из иностранных генералов называл Шевардинский редут могилой богатырей². Русские дрались с необычайным мужеством. «Ни один пленный не был нами взят», — доносил Наполеону генерал Коленкур.

После этого шевардинского боя сложилось у противника изречение, что «русских мало убить, надо еще и повалить». Историк имел право сказать, что в сознании массы Шевардинский бой оставил впечатление необычайного героизма наших войск и еще более поднял дух армии³. Герой лермонтовского стихотворения был участником этого сражения 24 августа:

Чуть утро осветило пушки
И леса синие верхушки,
Французы тут — как тут.

В его сознании об этом сражении, окончившемся около 6 часов, осталась память, как о героическом сопротивлении русской армии, защищавшей родину, не думая о жертвах:

Постой-ка, брат, мусью:
Что тут хитрить, пожалуй к бою,
Уж мы пойдем ломить стеною,
Уж постоим мы головою
За родину свою!

Герой лермонтовского стихотворения остался жив, как остался жив Афанасий Алексеевич Столыпин, бывший под Шевардиным в стрелковой цепи. Но в его глазах шевардинское сражение только начальный момент в завязавшейся решительной битве. Вечер 24 августа прошел сравнительно спокойно, также и ночь на 25 августа, с полудня 25 августа после небольших стычек на правом фланге у р. Колочи и в Утицком лесу не было слышно выстрелов на всем фронте⁴. Поэтому, участник сражения, помнивший редкие выстрелы за это время, говорит:

Два дня мы были в перестрелке.
Что толку в этакой безделке?
Мы ждали третий день...

т. е., день 26 августа.

Ночь на 26 августа в русской и французской армии описана в стихотворении с сохранением деталей, которые поэт мог найти у ряда мемуаристов.

¹ «Чтения в Обществе истории и древностей Российских», 1872, кн. 1, стр. 30.

² «Военный сборник», 1870, № 3, стр. 14.

³ В. Колюбакин, стр. 933.

⁴ «Военный сборник», 1870, № 3, стр. 13, 15, 16.

И вот на поле грозной сечи
Ночная пала тень.
Прилег вадремнуть я у лафета
И слышно было до рассвета,
Как ликовал француз.
Но тих был наш бивак открытый:
Кто кивер чистил весь избитый,
Кто штык точил ворча сердито,
Кусая длинный ус.

Федор Глинка в «Письмах русского офицера» рассказывал о «глубокой ночи» с 25 на 26 августа: «Все безмолвствует! Русские... тихо дремлют, облегли дымящиеся огни... Напротив того: ярко блещут утренние огни в таборах неприятельских; музыка, пение, трубные гласы и крики по всему стану их разносятся. Вот! слышны восклицания! Вот еще другие! Они, верно, приветствуют развезжающего по строям Наполеона»¹. Расщепленную характерными подробностями картину кануна Бородинского боя Лермонтов мог прочесть в статье А. Марлинского, напечатанной в январской книге «Московского телеграфа» 1834 г. В «Отрывке из несочиненного еще сочинения» подполковник, вспоминая ночь перед Бородиным, когда он был артиллерийским подпоручиком, рассказывал своему собеседнику: «О, то была роковая, грозная, священная ночь для всех Русских... Я знал каким-то чуьем, что за той ночью решится судьба отечества, и трепетал за него... Тогда не об одной славе, не об одной жизни Русских, но о свободе Руси шло дело: о том, быть ли ей или не быть, носить ли нам имя народное, не краснея, или видеть его сорванным, растоптанным в грязи! Тяжко было, ужасно было. И этот святой ужас проник тогда все сердца, все умы, от полководца до последнего рядового. Никто не боялся тогда умереть — боялись, что трупы наши не загородят Наполеону дороги к порабощению милой родины. Я бесился, читая в некоторых романах и журналах описания Бородинской ночи: слушать их, так у нас в лагере был тогда чуть не пир горой! и песни да шутки, и смехи да потехи!! Писали это или не Русские, или не очевидцы, или какие-нибудь дутики, лишённые всякой наблюдательности, которые грелись тогда не у бивуачного огня, а у генеральского самовара! Люди, которые даже из крови умеют пускать мыльные пузыри, надутые пошлыми газетными восклицаниями. Неправда ж, горькая неправда, будто мы тогда радовались. С нами был Куту-

¹ Ч. IV, 1815 г., стр. 64—65. Приветственные крики раздавались, очевидно, когда вечером 25 августа и на рассвете 26 августа читались перед полками французской армии указы Наполеона о том, что «победа... даст изобилие, хорошие зимние квартиры, быстрое возвращение на родину» и т. п.

зов, напротив нас был Наполеон; а кто из нас не знал его военного гения, кто не видел его несметных полчищ, его неисчислимых средств? Эта безмолвная, тяжелая дума утопила весь стан наш в смертную тишину. Никто не спал. Солдаты заботливо чистили ружья, точили штыки; и, готовясь к смерти, надевали чистые рубашки. Шопотом завещали они землякам отнести поклон, кто к жене, кто к брату, кто благословение детям, если вынесет бог из сражения и службы. Многие менялись крестами и образами. «Крестовый брат! не выдай!» — говорили они друг другу, прощаясь. «Братья товарищи! не поминайте лихом!» Они знали, что завтра будут драться на пороге Москвы, а Москву каждый считал воротами в дом свой, но это не был страх, то не было отчаяние — то была гордая решимость умереть за свою отчизну и умереть не напрасно»¹.

И только небо засветилось,
Все шумно вдруг зашевелилось.
Сверкнул за строем строй.

«И вот засерело утро... Краснее крови встало солнце — и озарило вышины Бородинского поля... батареи, правда, были скрыты, но холмы щетинились штыками...», вспоминал это утро А. Марлинский.

Ну ж был денек!

Это был день 26 августа. С пяти утра началась канонада. Наполеон, желая прорвать линию фронта русской армии, прежде всего бросил свои войска против левого фланга, на так называемые Семеновские или Багратионовы флеши.

...Сквозь дым летучий
Французы двинулись как тучи,
И все на наш редут.

Федор Глинка вспоминал: «неприятель, как туча, засинел, сгустившись, против левого нашего крыла и с быстротою молнии ударил на оное, хотя все сбить и уничтожить».

Герой лермонтовского стихотворения, сражавшийся 24 августа под Шевардинами, 26 августа участвовал в самом ожесточенном бою у Семеновского оврага. Но его рассказ дает типичную картину вообще Бородинской битвы и сообщаемые им подробности характерны не только для сражения на Семеновских флешах, но и для сражения на центральной Курганной батарее Раевского, куда Наполеон направил свой удар после взятия флешей и где атаки французов начались еще с 10 часов утра.

¹ № 2, стр. 227—232. См. еще И. Р. «Походные записки артиллериста», ч. I, стр. 141—142.

Французские «уланы с пестрыми значками, драгуны с конскими хвостами» появились не только у Семеновских флешей, но производили ожесточенные атаки и на батарею Раевского¹, между которой и флешами было расстояние в 1,5—2 километра.

Не случайно, Лермонтов сделал героя своего стихотворения артиллеристом. Русская артиллерия в Бородинском бое не только еще раз после походов XVIII в. показала свои перво-классные качества, но и была решающим фактором в самые ответственные моменты². Она и качественно и количественно превосходила наполеоновскую артиллерию: в артиллерии Кутузова было 640 орудий, у Наполеона — 587, русская артиллерия, по свидетельству генерала Толя, стреляла более тяжелыми ядрами (6—12 фунтов против 3—4 фунтов)³. О роли и значении нашей артиллерии на Бородинском поле свидетельствуют не только русские, но и иностранные участники сражения. Капитан французской гвардейской конной артиллерии Шамбре говорит, что утром, 27 августа, Наполеон, объезжая поле сражения, обогрелое кровью множеством убитых и раненых, велел переворачивать тела убитых, чтобы видеть, от каких они пали ударов. Почти все носили следы артиллерии⁴.

По подсчетам французов, на каждую минуту пришлось до 100 пушечных выстрелов с их стороны, с нашей не могло быть меньше⁵. «Пушки наши действовали чудесно», — писал Ф. Глинка (в письме 24 августа—5 сентября). Начальник артиллерии граф Кутайсов разослал вечером 25 августа приказ: «подтвердить от меня во всех ротах, чтобы они с позиций не снимались, пока неприятель не сядет верхом на пушки... Пусть возьмут нас с орудиями, но последний картечный выстрел выпустите в упор и батарея, которая будет таким образом взята, нанесет неприятелю вред, искупающий вполне потерю орудий...»⁶. Этот приказ убитого 26 августа генерала русские артиллеристы выполнили с честью. По словам А. С. Норова, «та именно центральная батарея, возле которой Кутайсов был убит, не переставала действовать, доколе неприятель не сел вер-

¹ См. у Липранди, стр. 80—83.

² Советский исследователь пришел к следующему выводу о роли нашей артиллерии в Бородинской битве: «русская артиллерия в Бородинском сражении являлась основой всей обороны, и только опираясь на огневую мощь, могли успешно маневрировать пехота и конница». В. Кац, «Подлинные потери русской армии в Бородинском сражении». («Исторический журнал», 1941, № 7—8, стр. 124). См. также «Артиллерийский журнал», 1939, № 9, (Е. Ирицкий, Русская артиллерия в Отечественную войну).

³ Е. Тарле, стр. 129.

⁴ «Артиллерийский журнал», 1861, № 11, стр. 839.

⁵ Там же, стр. 839. Ф. Глинка в письме от 30 авг. — 11 сент. писал: «Сами французы говорят, что они сделали 60 000 выстрелов из пушек».

⁶ Там же, 1861, № 10, стр. 807; см. также стр. 810—816.

хом на ее пушки, но они тут же были опять выручены, выкупив вполне временную свою потерю усталыми вокруг нее неприятельскими трупами»¹. По свидетельству Ф. Глинка, многие батареи до десяти раз переходили из рук в руки (в письме от 29 августа). Он же ссылается на признание Вентурины: «русские пушкири были примерно верны своему долгу. Брели редуты, ложились на пушки и не отдавали их без себя. Часто, лишась одной руки, канонер отмахивался другою» («Очерки», ч. II). Французский полковник Пель подтверждал это признание: «Русские умирали на пушках»². Рассеянные в стихотворении детали — «картечь визжала», «земля тряслась» и нашедшие в заключении выразительную формулу:

И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный вой...

дают впечатление именно артиллерийского грохота во время боя.

«Бомбы, ядра и картечи летали здесь так густо, как обыкновенно летают пули, а сколько здесь пролетело пуль!... — вспоминал один русский офицер (Ф. Глинка); другой участник Бородинского сражения — артиллерист Николай Любенков вторил ему, вспоминая, что в то время как «усталые войска отдыхали для новых истреблений, — одна артиллерия не останавливалась: жерла орудий извергали пламя, свет потемнел, дым клубился в атмосфере, могильный гул потрясал землю и ужасный грохот орудий не прекращался...»³.

Стихотворная строчка

В дыму огонь блеснул

точно описывает картину боя, комментируемая дополнительным свидетельством Н. Любенкова: «Кровь собратий и врагов дымилась».

Столь же исторично двуступище:

И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.

Спустя два года после Лермонтова Ф. Глинка писал об одной из многократных атак французов на Семеновские флеши: «Бой перед Семеновским закипел с силою необычайною, с остервенением беспримерным. 700 орудий, столпясь на одной квад-

¹ А. С. Норов. Война и мир. 1805—1812 с исторической точки зрения и по воспоминаниям современников, СПб, 1868, стр. 36.

² «Чтения в обществе истории и древностей Российских», 1872, кн. 1, стр. 84.

³ Рассказ артиллериста о деле Бородинском. Сочинение Николая Любенкова. СПб, 1837, стр. 34.

ратной версте, почти толкались между собою и, составляя подвижные вулканы, дышали огнем и опустошением. Ядра пронизывали толщи колонн; гранаты лопаясь, а картечь рассыпаясь, дождили на них сверху: било черепьем и ивернями. А между тем ружье горело и перекатный, яркий батальный огонь не умолкал. При этом кипятке сражения, многочисленные пешие и конные неприятельские шли на нас с необыкновенным ужасающим спокойствием. Наша артиллерия пронзала их насквозь, раздирала на части, но многолюдные они сжимались и шли далее...»¹. Тот же очевидец подтверждал точность поэта в описании боя:

Смешались в кучу кони, люди.

«Груды трупов человеческих и конских, множество распущенных по воле лошадей, множество действующих и подбитых пушек, разметанное оружие, лужи крови, тучи дыма: вот черты из общей картины поля Бородинского», — читаем мы в «Очерках» Ф. Глинки.

Запечатлен в стихотворении и один из самых потрясающих моментов в Бородинском сражении — разгаданный Багратионом план наполеоновских маршалов под огнем почти всей французской артиллерии итти штурмом против Семеновских флешей, закончившийся страшным штыковым боем.

Изведал враг в тот день не мало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!..

Ф. Глинка выразительно рассказал об этом эпизоде в своих «Очерках Бородинского сражения»: «Видя грозное движение французских сил, князь Багратион замыслил великое дело. Приказание отдано и все левое крыло наше, во всей длине своей, двинулось с места и пошло скорым шагом в штыки! Сошлись.. У нас нет языка, чтоб описать эту свалку, этот сшиб, этот протяжный треск, это последнее борение тысячей! Всякий хватался за чашу роковых весов, чтобы перетянуть их на свою сторону. Но окончательным следствием этого упорного борения было раздробление. Тысячи расшиблись на единицы, и каждая кружилась, действовала, дралась! Это была личная, частная борьба человека с человеком, волка с волком, и русские не уступили ни на вершок весов»².

В словах лермонтовского героя звучало сознание своего превосходства над врагом в этой рукопашной схватке. Поэт

¹ Ф. Глинка. «Очерки Бородинского сражения, воспоминания о 1812 г.», в 2 ч., М., 1839, ч. II, стр. 79.

² Ч. II, стр. 70—72.

мог бы вместе с его современником, артиллерийским офицером Любенковым сказать, что «русский бой удалый, наш рукопашный бой» — «в народном духе», исстари привычен русскому человеку, в деревне и в городской слободе любившему народную потеху кулачных боев¹. Поэт вложил в уста героя то чувство, которое было присуще рядовым участникам бородинского сражения. Георгиевский кавалер из дивизии Неверовского рассказывал в 1839 г.: «под Бородиным как ударили в штыки, погнажи француза». Отделенный унтер-офицер Тихонов в 1830 г. рассказывал о Бородинском сражении: «Француз храбр. Под ядрами стоит хорошо, на картечь и ядра идет смело, против кавалерии держится браво, а в стрелках ему равного не сыщешь. А на штыки, нет, не горазд. И колет он зря, не по нашему: тычет тебя в руку или в ногу, а то бросит ружье и поровит с тобою в ручную схватиться. Храбр он, да уж очень нежен»².

Лермонтов в описании Бородинской битвы передал одну подробность, которую он, вероятно, слышал от одного из участников рукопашной сечи у Семеновских флешей. Эту подробность он включил еще в 1831 г. в стихотворение «Поле Бородина» и повторил в «Бородине»:

Рука бойцов колоть устала.

Иракий Андроников сопоставил это выражение с описанием боя в «Рассказе» Н. Любенкова: «неумолимая рука смерти устала от истребления».

Но слова поэта отражали самый простой, реальный факт, то, что он слышал от кого-то из тех, кто на самом деле видел во время Бородинского боя эту поразительную сцену. И потому мы можем отвести фразу Н. Любенкова, более подходящую для абстрактно-романтического лексикона, чем для описания конкретного факта. Приведенная строка, дважды повторенная поэтом, комментируется подлинными словами старого солдата, записанными Ф. Глинкой и приведенными им в примечании к описанию штыкового «спшиба» на левом фланге: «Под Бородиным (говорил этот воин) мы сошлись и стали колотиться. Колемся час, колемся два... устали, руки опустились! И мы и французы друг друга не трогаем, ходим как бараны! Которая

¹ «И как после подобных уроков целой жизни не уметь русскому работать штыком и прикладами в сражении?» — восклицал Любенков, давший описание рукопашного боя на Бородине (см. 66—68 стр. его «Рассказа... 1837).

² «Чтения в Обществе истории и древностей Российских», 1872, январь—март, стр. 116, 119.

нибудь сторона отдохнет и ну опять колоться. Колемя, колемя, колемя! Часа, почитай, три на одном месте кололись!»¹

Вам не видать таких сражений!..

говорит своим молодым собеседникам артиллерист — ветеран Отечественной войны. Русские люди иначе и не думали о Бородинской битве, как об одной из величайших в истории своего народа, в истории европейских войн.

Не даром помнит вся Россия
Про день Бородина.

Участники бородинского сражения в своих воспоминаниях единогласно свидетельствуют, что, проделавши многие походы в разных странах, вспоминая по книгам описания сражений в разные исторические периоды, они впервые увидели столкновение таких гигантских армий, беспримерные проявления воинской доблести, замечательной храбрости врага и героической воли к победе русского народа, нанесшего прославленным войскам Наполеона смертельный удар. Фельдмаршал Кутузов писал в своем донесении Александру: «Баталия, 26 числа бывшая, была самая кровопролитнейшая из всех тех, которые в новейших временах известны... Наполеон называл Бородинское сражение «самым грозным», после сражения признавался своим маршалам: «еще подобное сражение, где будет моя армия?» Сергей Глинка в своих записках 1836 г. писал: «бой Бородинский — бой, небывалый на лице земли со времени изобретения пороха»². Федор Глинка называл Бородинское сражение «беспримерным»: «ничего подобного в жизнь мою не видел, ни о чем подобном не слышал и едва ли читывал», признавался боевой офицер: «я был под Аустерлицем, но то сражение в сравнении с ним — сшибка! Надобно иметь кисть Микель-Анжело, изобразившую страшный суд, чтоб осмелиться представить себе ужасное побоище»..., «ни берега Дуная и Рейна, ни поля Италии, ни пределы Германии давно, а может быть и никогда еще не видали столь жаркого, столь кровопролитного и столь ужасного громом пушек сопровождаемого сражения! Одни только русские могли устоять: они сражались под Отечественным небом и стояли на родной земле». Герой стихотворения называл участников Бородинского сражения «могучим, лихим племенем, богатырями». Действительно, русская армия показала чудеса храбрости: рядовые, офицеры и генералы, известные и вписавшие свое имя в историю Отечественной войны

¹ «Очерки Бородинского сражения», воспоминания о 1812 г., М., 1839, ч. II, стр. 72.

² «Записки о 1812 г. Сергея Глинки, первого ратника московского ополчения», СПб, 1836, стр. 134, 149.

1812 г., оставили о себе легендарную славу беззаветного мужества и презрения к опасности, к смерти. Эта слава тем лучезарнее, что перед русской армией стоял противник, который проявлял в бою военный героизм, вызывавший восхищение. Известно, что храбрейший из суворовских сподвижников князь Багратион крикнул: «браво, браво!», когда увидел, что 57-й полк французских гренадеров шел в атаку под градом русских пуль с ружьями наперевес, не отстреливаясь, чтоб не терять момента¹.

Чувством гордости полны слова героя стихотворения при воспоминании об его боевых товарищах:

Да, были люди в наше время...

Читатель «Бородина» не может не обратиться к страницам войны 1812 г., рисуя героические образы и сцены того времени. Из множества эпизодов, характеризующих «могучее, лихое племя», я приведу в добавление к ранее описанным еще три-четыре. Посланный генералом Милорадовичем передать приказание Евгению Винтембергскому адъютант Бибиков не мог вследствие артиллерийского грохота «прокричать Евгению то, что было велено и он поднял руку, показывая, где находится Милорадович. В этот момент ядро оторвало у него руку. Бибиков, падая с лошади, поднял другую руку и показал снова туда, куда только что показывал»².

Н. И. Андреев, участвовавший в нескольких войнах, рассказывал, что Тарнопольский полк шел в атаку колонной с музыкой и песнями, что я, — замечает он, — в первый и последний раз видел³.

Французский полковник Пель сообщал, что русские солдаты «по трупам павших с величайшей решимостью шли вперед, чтобы возвратить потерянные позиции. Мы видели, как русские массы маневрировали подобно подвижным редутам, униженным железом и извергавшим огонь. Посреди открытой местности и картечь нашей артиллерии и атаки нашей кавалерии наносили им огромные уроны. Но пока у них оставалось сколько-нибудь силы, эти храбрые солдаты снова начинали свои атаки»⁴.

Унтер-офицер Тихонов в 1830 г. рассказывал: «Начальство под Бородином было такое, какого нескоро опять дождемся. Чуть бывало кого ранят, глядишь сейчас на его место двое

¹ Е. Тарле, стр. 131.

² Там же, стр. 133.

³ А. Предтеченский, «Бородинский бой и русская общественность». (Ученые записки Ленинградского университета, 1938, № 19, т. IV, стр. 108.)

⁴ Указанные выше «Чтения», стр. 84.

выскочат. Ротного у нас ранили, понесли мы его на перевязку, встретили за второй линией ратников. «Стой!» — кричит нам ротный (а сам бледный, как полотно, губы посинели). «Меня ратнички снесут, а вам баловаться нечего, ступайте в баталион! Петров! Веди их в свое место!» Простились мы с ним, больше его не видели. Сказывали, в Можайске его французы из окна выбросили, от того и умер¹.

В рассказе лермонтовского артиллериста упомянут его начальник.

Полковник наш рожден был хватом,
Слуга царю, отец солдатам...

Убитый в бою, он навсегда остался живым напоминанием о тех многих русских людях, которые 26-го августа 1812 г. сложили свою голову за родину. Его призыв к солдатам, любившим его за храбрость, за «лихость», за верность долгу, за отеческое внимание к нуждам рядовой массы, не был выдуман поэтом-патриотом, а повторял те слова, с какими обращались к солдатам их командиры перед боем.

Ребята! Не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!

С подобными словами обратился к солдатам генерал Дохтуров, про которого рядовые войны говорили: «стойкий был человек, веселый такой и добрый. Старый служака, еще с Суворовым ходил... коли он где станет — надобно туда команду с рычагами посылать, а так его не сковырнешь»². Сергей Глинка рассказывал о Дохтурове «отце-начальнике», что тот, ободряя примером своих воинов, говорил: «За нами Москва, за нами мать Русских городов»³. Призыв загородить дорогу к столице родины отвечал народным думам и чувствам, и это народное настроение поэт исторически верно схватил, заставив полковника и рядового солдата думать на Бородинском поле о Москве. Когда начальник, щадя 19-летнего подпоручика гвардейской артиллерии В. А. Павлова, хотел поместить его там, где, казалось, было бы безопаснее, юноша возразил: «н и к о м у н е уступлю своего места, мы в 100 верстах от Москвы: там моя мать, там моя родина. Время ли теперь мыслить о личной своей безопасности!» Сергей Глинка также подчеркивал, на основе своих наблюдений, эту думу о Москве в рядах русской армии: «у воинов русских, — писал он, — была одна

¹ Там же.

² См. указанный выше журнал «Чтения», стр. 117—118.

³ «Записки о 1812 г.», стр. 189—190, 191.

мысль: за нами Москва — мы сражаемся за Москву»¹.

Предпоследняя строфа передает заключительный момент Бородинской битвы, те чувства армии, которые владели ею вечером 26 августа. Подлинно народный голос звучит в словах рассказчика. Поэт говорил в этой строфе от имени народа, считавшего Бородинский бой своей победой.

Вот смерклось. Были все готовы
Завтра бой затеять новый
И до конца стоять...
Вот затрещали барабаны —
И отступили бусурманы.

Известно, с каким воодушевлением русская армия встретила повеление Кутузова Дохтурову, продиктованное им под пушечными ядрами часа за три до окончания сражения: «Я из всех движений неприятельских вижу, что он не менее нас ослабел в сем сражении, а потому завязавши уже дело с ним, решился я сегодняшнего дня все войска, устроив в порядок, снабдив артиллерию новыми снарядами, завтра возобновить сражение с неприятелем...»². Это убеждение, что армия выиграла победу, Кутузов повторял в своих приказах (27, 28 августа), о том же писал 29 августа своей жене: «Я, слава богу, здоров и не побит, а выиграл баталию над Бонапартием». Генерал Дохтуров, выдержавший в течение 11 часов необычайный натиск неприятельской армии, разделял ту же уверенность в победе русских войск: «...я видел своими глазами отступление неприятеля, — говорил он, — и полагаю, Бородинское сражение совершенно выигрышим»³. По словам Ермолова, «под Бородиным французская армия расшиблась об русскую».

Рядовой солдат, рассказывая о Бородинском бое, думал так же, как его полководцы: «...особенно наши палили до темной ночи. А тут приказание привезли, чтобы завтра атаковать француза. Мало его осталось. Повалили мы его страсть что: он очень густо стоял, так нашим пушкам ловко было палить, наших снарядов много меньше пропадало, чем французских, да мы и стояли пореже. Повалил он, после полудня, у нас много народу, но все не столько, сколько мы у него»⁴.

Эту твердую веру народа в свою несокрушимую стойкость перед врагом, в свою победу над ним 26 августа 1812 г. Лер-

¹ «Записки о 1812 г.», стр. 186.

² Записки Михайловского-Данилевского. «Исторический Вестник», 1890. № 10, стр. 145.

³ Записки о 1812 г. Сергея Глинки, СПб., 1836 г., стр. 190.

⁴ «Чтения», стр. 117 (рассказ записан в 1830 г.).

монтов признал исторической истиной и отверг все другие версии исхода Бородинского сражения, имевшие место в его время.

Историческая наука подтвердила правильность лермонтовской оценки. Французская армия ночью 26 августа отступила за 12 верст за р. Колочу и заняла исходные позиции перед началом Бородинского боя, т. е. тактический успех принадлежал русской армии, поле сражения осталось в руках русских, так же грозно и стойко стоявших в боевой готовности¹.

На следующий день после Бородина Наполеон не мог продвинуться на 7 верст вперед, остановленный русским арьергардом, — недаром, он незадолго до смерти говорил, что «французы в сражении под Москвой показали себя достойными одержать победу, а русские стяжали право быть непобедимыми». Обескровленная наполеоновская армия не была способна к дальнейшим наступательным операциям, — в этом и заключался, по мнению современного исследователя, крупный стратегический успех Кутузова, нанесшего в Бородинском сражении контрудар противнику, рвавшемуся к Москве. После сражения в пользу русской армии изменилось также соотношение сил. Армия Наполеона из 130 тысяч потеряла 58 478 человек, русская армия — из 131 548 потеряла 42 438 человек².

Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать:

Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля.

Потери русской армии были огромны, особенно в боях за Семеновские флеши (47% от общего числа потерь) и на батарее Раевского (35% от общего числа потерь)³.

Патриотическое чувство «до конца стоять» проявлялось в армии на Бородинском поле с той героической решимостью, на которую способен великий русский народ, когда дело идет о защите родины от врага — захватчика его земли. Дворцовый префект Наполеона Боссе пишет, что на утро после боя «целыми линиями русские полки лежали распростертые на окровавленной земле и этим свидетельствовали, что они предпочли умереть, чем отступить хоть на один шаг»⁴.

Это показание французского офицера точно, правдиво раскрывает моральное величие народной массы в Бородинской

¹ Б. Соколов, Стратегия и тактика Бородинского сражения. «Исторический журнал», 1943, № 2, стр. 71.

² См. указанную статью Б. Соколова.

³ «Исторический журнал», 1941, № 7—8, стр. 125.

⁴ «Ученые записки Ленинградского университета», 1938, № 19, стр. 109 (статья А. В. Предтеченского).

битве, подтверждает тот патриотический пафос, которым были полны русские войны высших и низших чинов и для которого великий русский поэт нашел проникновенные слова:

И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой.

— слова, сказанные от лица рядового солдата, как будто Лермонтов услышал их от живого свидетеля народного героизма на поле Бородинском в роде того солдата, участника Бородинского боя, который на вопрос Ф. Глинки: «Почему в Бородине дрались так храбро?» ответил: «Оттого, сударь, что тогда никто не ссылался и не надеялся на других, а всякий сам себе говорил: «хоть все беги, я буду стоять! Хоть все сдайся, я умру, а не сдамся».

Во второй и предпоследней строфах поэт пытался объяснить причины, вызвавшие после Бородина отступление русской армии и оставление Москвы побежденному врагу. За объяснением, данным от лица рядового воина, можно предполагать мнение самого Лермонтова о главнокомандующем Кутузове, решение которого — не только на совете в Филях, но и раньше — об отдаче Москвы многим из его современников казалось непонятным. Фразеология простого солдата:

Когда б на то не божья воля
Не отдали б Москвы.

таит более глубокий смысл, чем признание религиозным крестьянином приговора таинственной силы по народной пословице: «человек предполагает, а бог располагает».

В этой фразеологии было отражено то мнение о поведении Кутузова, которое сам главнокомандующий хотел, чтоб оно таким сложилось в армии и в народе, то мнение, которым свидетельствовалося доверие к Кутузову армии, не пошатнувшееся в ней после отдачи им Москвы. Лермонтовская оценка Кутузова рассматривается современным историком как единственно возможная при изучении приказов, афоризмов и действий главнокомандующего перед Бородиным и после Бородина.

Академик Е. Тарле в сущности лишь повторил формулу Лермонтова, комментируя слова и поступки Кутузова, противоречившие одно другому («Настоящий мой предмет есть спасение Москвы» и в то же время: «Москва — это еще не Россия». «Лучше потерять Москву, чем армию и Россию» и т. д.).

«Он пугал и противоречил себе, но все это для того, чтобы доказать прежде всего солдатам, что он ни за что не хочет отдавать Москвы, а если вот отдал ее в последний момент, то исключительно по совсем уже внезапным, каким-то непреодоли-

мым препятствиям, а он, мол, сам до последней минуты убежден был, что Москву нельзя сдавать... Все его слова, выходки, приказы были орудием пропаганды, блистательно доказавшим свою пригодность. Да, он не немец, он не изменник Барклай, он русский человек и ни за что не хотел уходить, да что же поделаешь, если божья воля? А больше ничего Кутузову и не требовалось, только, чтобы был сделан именно такой общий вывод...¹.

Итак, стихотворение «Бородино» — превосходный исторический памятник, в котором точно переданы главные моменты самого важного в Отечественной войне 1812 г. сражения, и это решившее судьбу русского народа событие освещено с народной точки зрения.

В стихотворении Лермонтова показан также поэтический образ русского человека, представителя русской народной массы в тот момент, когда судьба отдельной личности неразрывно связана с миллионами, когда от человека требуется напряжение всех его сил, превышающих обычные нормы, когда родная земля призвала его пожертвовать жизнью за его народ в борьбе с его поработителем.

Как же поэт представлял себе особенности русского национального характера? Герой стихотворения показан в цветущую пору его жизни, он вспоминает себя молодым во время войны 1812 г. Обычное представление о нем, как о старике, неверно². С. Н. Дурылин правильно указал, что обращение к рассказчику: «Скажи-ка, дядя» определяет возраст героя Бородина: «он еще не старик, иначе его назвали бы, по правилам народной вежливости, не «дядей», а «дедушкой». К этому можно добавить, как рассказчик, вспоминая о настроении в армии при Барклае, говорил, что тогда «ворчали старики», — тем самым он выделял себя из среды своих пожилых товарищей и потому, если даже предположить возможность встречи поэта с рядовым солдатом, участником Бородина, в 1836 г., то рассказчику было не более 45 лет, когда он беседовал нето с молодыми рекрутами, нето в деревне с крестьянскими парнями.

В числе «хороших свойств русского человека», отличавших его от «иноплеменников», Белинский отмечал «несокрушимую мощь и бодрость духа», «отвагу, удаль, широкий размет души». Лермонтов наделил своего героя именно этой широтой натуры,

¹ Е. Тарле, Нашествие Наполеона на Россию, 1812 г., ОГИЗ, 1938 г., стр. 119—120.

² См., например, у Б. М. Эйхенбаума: «Рассказ старика-солдата» (М. Ю. Лермонтов. Стихотворения, т. I, 1940, стр. 330; у И. Н. Розанова: «Лермонтову пришла счастливая мысль сделать рассказчика старым солдатом-артиллеристом» («Лермонтов мастер стиха», 1942, стр. 50).

что считал «как бы исключительным достоинством русской природы» великий современник поэта и сам называвший себя «наатурой русской», и в признаниях его друзей выделявший своим пониманием, чутьем всего русского («он чувствовал русскую суть, как никто», — вспоминал Тургенев о Белинском). «Есть разгуляться где на воле», — говорит герой 1812 г., когда «нашли большое поле» для давно ожидавшейся решительной боевой встречи с противником. В этом бодром чувстве, в предвкушении возможности потягаться силой, испытать себя в уверенности на победу («русский бой удалый, наш рукопашный бой») поэт, подобно Белинскому, видел характерную особенность русского человека. Герой стихотворения не отделяет себя от народа, — он органическая частица целого, его речь полна народными речениями («у наших ушки на макушке», «уж мы пойдем ломить стеною») и тем чувством связи с народной массой, которое не покидает русского человека особенно тогда, когда решается общее дело: местоименная форма во множественном числе, преобладающая в его разговоре, вскрывает народное единодушие, духовную слитность всех и каждого, родное созвучие с близкими людьми, разделяющими одни и те жеумы перед радостью и горем, которые могут быть на общей страде. Только три раза ветеран 1812 г. употребил личную форму я, потому что иначе нельзя сказать о своем индивидуальном поведении («...забил заряд я в пушку туго и думал: угощу я друга!», «прилег вздремнуть я у лафета»), во всех остальных случаях звучат в его словах «наше время», «наш бивак», «наш редут», «полковник наш», «наш бой», «мы были в перестрелке», «умереть мы обещали», «все промелькнули перед нами», «считать мы стали раны» и т. д. Чувство родины, готовность положить за нее жизнь в минуту опасности для ее независимости — неотъемлемая черта русского человека, по убеждению Лермонтова, основанному на изучении им всей исторической жизни России и на непосредственной любви самого поэта к русскому народу. Герой стихотворения от имени своего народа говорил:

Уж постояим мы головою
За родину свою

и вместе с русским народом «сдержал клятву верности в Бородинский бой», отстоял честь русского имени, не отступив перед сильным врагом. Патриотизм, любовь к своей родине у героя «Бородина» лишены какого-либо презрения, шовинистической вражды к иноземцу. Русский простолюдин со спокойной уверенностью в собственной силе добродушно перед боем посмеивается над «мусью», доказывая своим юмором ту особен-

ность народного характера, которую Белинский определял как «простодушно язвительную иронию над жизнью, над собственной и чужой удалью, над собственной и чужой бедой». Но когда начался бой, когда перед его участником встала «гора кровавых тел» его убитых товарищей, «мусью» стал «врагом», которому нет пощады, а после боя, потребовавшего громадной затраты сил, и накануне нового боя этот «брат-мусью» превратился в «бусурмана», получил название, исконное в языке русского народа для иноземца-насилльника, века терзавшего родину и оскорблявшего ее святыни. Это чувство непримиримой ненависти к врагу, причинившему много горя отчизне, неразрывно входило в патриотическое чувство героя 1812 г., побуждавшее его за свободу родины «до конца стоять» и умирать «как наши братья умирали».

Удивительно метко поэт определил отношение русского человека к тому событию в его жизни, которое сопряжено с затратой сил, требует напряжения всего существа, внимания, ловкости и в результате оставляет ощущение, что дело было сделано отлично и потому можно вспоминать о нем с удовлетворенной улыбкой, тем более, что положительный результат очевиден.

Ну ж был денек!

так вспоминал ветеран 1812 г. о Бородинской битве, словно он в этот день с исключительным успехом выполнил трудный урок, заданный ему в его хозяйственной практике, когда надо использовать немногие последние часы, чтоб спасти урожай на весь год или уберечь иное добро, необходимое для жизни. В ласкательном имени кроется признание, что хоть день сражения дорого стоил, но дело было сделано по-настоящему, со всем присущим трудовому человеку мастерством. Лермонтов нарисовал глубоко правдивую картину поведения русских людей во время боя. В словах артиллериста: «угощу я друга», «постой-ка, брат, мусью» слышен голос человека, которого не покидает добродушный юмор во время серьезного испытания, помогающий легче перенести его.

В записках участников Бородинского сражения обычно рассказывалось, что русский солдат шутил по разным поводам во время боя, что он не знал уныния и сохранял неизменную бодрость духа. Б. Голицын передавал следующий случай: «один раз неприятельское ядро попало в верхнюю часть орудия, отдало его, сбilo мушку, сделало впадину и отскочило; солдаты шутя и с остроумием говорили: «верно не по калибру пришлось»¹.

¹ См. в указанной его книге, стр. 63.

По словам А. С. Норова, «наши солдаты были гораздо веселее под... сильным огнем, чем в резерве, где нас даром било». Он рассказывал, как в один момент, когда бомбардир Курочкин посылал заряд, неприятельское ядро ударило ему в самую кисть руки. «Эх, рученька моя, рученька», — вскрикнул он, — замахавши ею, а стоявший с банником, поднимая упавший снаряд и посылая его в дуло, обрызганное кровью, которое он обтер своим рукавом: «жаль твою рученьку, — ответил он, — а вон, посмотри-ка, Усова-то и совсем повалило да он и то ничего не говорит». Я обернулся, — пишет А. С. Норов — и увидел бедного Усова, лежащего у хобота: он был убит, вероятно, тем же ядром, которое оторвало руку у Курочкина. Бомбардир вызвал несмотря на трагический повод к тому улыбку солдата»¹.

Эту сторону русского характера, отмеченную Белинским, и указанную автором «Бородина», раскрыл во всей полноте Л. Н. Толстой в романе «Война и мир», где о русском солдате подчеркнуто говорилось, что в боевой обстановке его не оставляли бодрость и склонность к веселой шутке. На курганной батарее (редут Раевского) «несколько солдат с веселыми и ласковыми лицами остановились подле Пьера» послушать разговор между ним и солдатом, который, смеясь, отвечал по поводу только что в двух шагах от Пьера разорвавшегося ядра; «чаще и чаще на батарею попадали снаряды и залетали, жужжа и свистя, дальние пули. Но люди, бывшие на батарее, как будто не заметили этого, со всех сторон слышался веселый разговор и шутки».

«— Чиненка! — кричал солдат на приближающуюся, летевшую со свистом гранату.

— Не сюда! К пехотным! — с хохотом прибавлял другой, заметив, что граната пролетела и попала в ряды прикрытия.

— Что знакомая? — смеялся другой солдат на присевшего мужика под пролетевшим ядром».

«— К пятому оружию, накатывай! — кричали с одной стороны.

Разом, дружнее, по-бурлацки, слышались веселые крики переменявших пушку.

— Ай, нашему барину чуть шляпку не сбила, — показывая зубы, смеялся на Пьера краснорыжий шутник...

— Ну, вы, лисицы! — смеялся другой на изгибающихся ополченцев, всходящих на батарею за ранеными...

Пьер замечал, как после каждого попавшего ядра, после каждой потери, все более и более разгоралось общее оживление».

«Навстречу Пьеру показались плотные толпы бегущих русских солдат, которые, падая, спотыкаясь и крича, весело и бурно бежали на батарею», — таков обычный тон в батальных сценах «Войны и мира».

Лев Толстой, «этот русский писатель до мозга костей» по ставшему общепризнанным определению Тургенева, автор «ве-

¹ Указанное сочинение, стр. 38.

ликого произведения», в котором «подлинная Россия» (по определению того же Тургенева), в своем романе, так же, как Лермонтов, осветил ту, если можно выразиться, трудовую линию поведения русского человека в сражении, которая приравнивала народную войну к народному труду, требующему не только большого напряжения, но и знания, мастерства. Подобно тому, как для артиллериста в стихотворении Лермонтова «хитрости» противника неуместны, когда готовишься к «бою», перед которым о перестрелке надо сказать: «что толку в этой безделке?», когда впереди предстоит дело, от которого зависит и личная и общественная судьба, дело, которое, поэтому, надо выполнить с наивысшим искусством помимо сосредоточенной энергии, так и в представлении Толстого русские бойцы на Бородинском поле смотрели на то, что им суждено было исполнять, как на дело:

Несколько солдат собрались у вала, разглядывая то, что делалось впереди.

— И цепь сняли, видишь, назад прошли — говорили они, указывая через вал.

— Свое дело гляди — крикнул на них старый унтер-офицер. Назад пошли, — значит, назад дело есть.

«Солдаты подавали заряды, поворачивались, заряжали и делали свое дело с напряженным щегольством».

Автор «Бородина» мог бы подписаться под той оценкой духа русской армии во время Отечественной войны, что легла в основу национальной эпопеи Л. Толстого. Автор «Войны и мира», читая стихотворение Лермонтова, в свою очередь находил у своего предшественника родственный ему взгляд на русского человека в тот ответственный момент в жизни родины, когда всем народом навалиться хотят на вторгшегося врага. Поэт «с русской душой» и «великий писатель русской земли» одинаково чувствовали и сознавали, что в Отечественную войну, в частности, во время Бородинского сражения, во всех тех людях, которые «спокойно готовились к смерти» (Л. Толстой), решили «постоять головой за родину свою» (Лермонтов), во всех этих людях была «скрытая» (*latente*), как говорится в физике, теплота патриотизма, разгоравшаяся все более и более в течение сражения. Исход сражения Толстой, подобно Лермонтову, расценивал как великую моральную победу великого русского народа. «Были все готовы завтра бой затеять новый», — писал Лермонтов. «Все генералы, все участвовавшие и неучаствовавшие солдаты французской армии, после всех опытов прежних сражений (где после десятикратно меньших усилий неприятель бежал), испытывали одинаковое чувство ужаса перед тем врагом, который, потеряв

половину войска, стоял так же грозно в конце, как и в начале сражения», — писал Толстой.

«И отступили бусурманы» перед «богатырями», «могучим, лихим племенем», — писал Лермонтов о героях Бородина, понимавших и чувствовавших так же, как созданный им образ русского солдата, что французы побеждены.

«Французское войско должно было погибнуть, истекая кровью от смертельной, нанесенной в Бородине, раны...

Победа нравственная — та, которая убеждает противника в нравственном превосходстве своего врага и в своем бессилии, была одержана русскими под Бородиным...

Прямым следствием Бородинского сражения (была) погибель 500-тысячного нашествия и погибель наполеоновской Франции, на которую в первый раз под Бородиным была наложена рука сильнейшего духом противника», — заканчивал Толстой свои размышления о причинах победы русской армии 26 августа 1812 г. Это идейное совпадение между стихотворением Лермонтова и романом Толстого (на страницах, посвященных войне 1812 г.) лишний раз подтверждает историческую верность в понимании молодым поэтом психологии русского народа, особенностей русского национального характера и вместе с признанием «Бородина» правдивой картиной типических моментов Бородинского сражения давно дали право включить небольшое в 98 строк стихотворение Лермонтова в число подлинно народных, национальных произведений, «теплота патриотизма» которых горит тем ярче в сознании русских людей, чем напряженнее всенародная борьба с врагами родины.

IX

Историческое мировоззрение поэта, определившее его отношение к войне 1812 г., как к войне народной, и подсказавшее ему выбор темы и героя, привело к разработке стихотворения «Бородино» методом художественного реализма, как наиболее отвечающим избранной форме сказа от лица простого человека, рядового представителя народной массы.

Между «Подем Бородина» (1831) и «Бородиным» (1837) было большое различие в системе художественных приемов. Если в первом стихотворении условно романтическое преобладало над реалистическими элементами, то во втором черты романтического стиля так тонули в реалистической манере изложения, что они стали незаметными, не бросающимися в глаза, как нечто инородное, были заглушены основным тоном реалистического повествования.

Победа реализма в «Бородине» не означала отказа поэта от романтического стиля: «Мцыри» и «Демон» демонстрируют автора этих поэм, как гениального мастера в лепке романтических образов, в напевно-лирическом стихе, в пышном наборе ярких поэтических красок, в пейзажных зарисовках и пр. В «Бородине» Лермонтов показал, что героическое вовсе не требует поэтических котурн, отнюдь не является достоянием лишь избранных натур, что оно проявляется и в простом человеке из народа, но только по-своему и в момент наивысшего напряжения народной энергии в великую годину в жизни народа.

Лермонтов уже в «Вадиме» — историческом романе из эпохи пугачевского восстания — писал вперемежку то в романтическом, то в реалистическом тоне, оставаясь верным последнему при изображении крестьянской среды, казачьих отрядов, в передаче народного говора, бытовой обстановки. Поэтому различия поэтического метода в двух стихотворениях на одну и ту же тему («Поле Бородина» и «Бородино») надо объяснять не тем, что поэт на своем творческом пути пережил некую эволюцию, принципиально предпочел один метод другому — более совершенный менее ценному. Лермонтов мог одновременно творить обоими методами, и в этом было его оригинальное своеобразие среди современных ему писателей. Но идейное развитие поэта, обогащенное наблюдениями над народной жизнью, размышлениями об исторических событиях России, изучением ее прошлого и судеб европейских народов, приводило Лермонтова к единственно правильной мысли, что весь его прошлый поэтический опыт, когда он юношей писал о войнах в разные времена и разных народов (русского, народов Кавказа, Литвы), не может дать ему тех красок, которые необходимы для темы об Отечественной войне, по своему характеру совсем не похожей на все ему известные войны. Новое содержание требовало новой формы. А новое было во всем сравнительно с тем, что он некогда описывал в своих поэмах, в частности кавказских. Природа, быт, люди, причины и цели войны, самый размах событий, — все толкало поэта к крутому повороту от былой художественной манеры к пересмотру и признанию не точными тех деталей поэтического рисунка, которые он находил ранее и которые были необходимы для разрешения намеченной темы.

В стихотворении «Поле Бородина» поэт уже подошел к верному пониманию значения Бородинского сражения, но еще не охватил со всей глубиной этого исторического события, даже находился во власти ложных оценок, впоследствии отвергнутых им, неуверенной рукой преодолевал литературные клише, тяготея к привычным стилевым формам. Лермонтов перенес в

«Бородино» из своего раннего стихотворения патристическую готовность участников боя сложить головы за родину (см. 2-ю строфу), убеждение, что русская армия победила (см. 5-ю строфу), перенос несколько удачно найденных словесных формул, но книжная фразеология (вождь сказал перед полками; и мы погибнуть обещали; противник отступил) через несколько лет, когда рассказ шел от имени служивого, неизбежно должна была показаться неестественной и вызвала замену точными, правдоподобными и более выразительными словами (полковник... молвил, сверкнув очами; и умереть мы обещали; и отступили бусурманы).

Если в «Поле Бородина» итог сражения рассматривался, как «дороже доставшийся» русской армии, чем «противнику», то в позднейшем стихотворении эта несоответствовавшая фактическому положению дел подробность была изъята. Точно так же автором было признано неуместным для повторения лирическое обращение в 6-й строфе к убитым участникам сражения:

Мои товарищи, вы пали!
Но этим не могли помочь —

тем более, что подобное признание безрезультатности их подвига противоречило утверждению в 5-й строфе: «противник отступил».

Выбор героя в стихотворении «Бородино» был самым счастливым идейным открытием поэта, потребовавшим радикальной перестройки всей художественной ткани в прежней военной теме, которая привлекала поэта в начале 30-х гг. Герой и толпа всегда противостояли друг другу в поэмах Лермонтова, когда рисовались батальные эпизоды:

Явился воин...
Предстал — и враг валится и другой...
...Заметил он, что был один
Среди жестоких, вражеских дружин.
(«Литвицка»)

Один лишь воин, окруженный
Враждебным войском, не хотел
Еще бежать. Из мертвых тел
Вокруг него была ограда...
(«Ангел смерти»)

Он там, — как дух, разит и невредим,
И все бежит иль падает пред ним!
(«Измаил-бей»).

Уже в «Поле Бородина» автор сбросил эту романтическую традицию и пытался сквозь индивидуалистическую окраску пси-

хологии участника боя, от лица которого велся рассказ, показать сражение, как массовое столкновение враждебных армий.

В «Бородине» герой не отделим от массы, он чувствует и мыслит заодно со всеми. Судьба сражения в руках народа, дух народный кует победу над врагом. Душевный строй участника сражения стал иным: мщение, — вот что двигало героя и войска, ему подвластные, в поэмах Лермонтова.

...Не честь страны родной
Он защищать хотел своей рукой...
И радостью блистает этот взор,
Которым месть владеет с давних пор.

Его дружины местью воспаляясь..

(«Литвинка»).

Меж тем войска еще сходились
Все ближе и ближе... и сразились
И звуки копий и щитов,
Казалось, сами удивились;
Но мщенье: царь в душах людей —
И удивления сильней...

(«Ангел смерти»).

Не за отчизну, за друзей он мстил...
(«Измаил-бей»).

В «Поле Бородина» это чувство мести также владеет героем («душа от мщения тряслась») вместе с отчаянием, но артиллерист из «Бородина» знает только одно чувство — чувство родины и бесстрашную готовность «до конца стоять», «постоять головою за родину свою».

Романтический герой с эгоистическими чувствами был заменен народным героем, вместо книжного типажа вырос живой художественный тип, реальный образ русского человека, поэтическое воплощение русского национального характера. Умный и наблюдательный, наделенный гуманными чувствами («да, жаль его»...; «тогда считать мы стали раны, товарищей считать»), храбрый и добродушный, любящий шутку, склонный пожуричь и пофилософствовать в духе народных сентенций, — герой «Бородина» сравнительно со своим предшественником из раннего стихотворения стал проще и в то же время многогранней. Реалистическое в раскрытии его образа осуществлено в различных формах: автор до конца выдержал роль рядового бойца — его герой видит то, что может видеть из своей

позиции, он делает то, что входит в круг его прямых обязанностей, он знает то, что слышит от товарищей по оружию¹.

В «Бородине» нет той щедрой живописи пейзажа, которую мы встречаем в ранних поэмах Лермонтова и отчасти в «Поле Бородина».

Рассказчик, как и надо ожидать от человека накануне решительного дела, скуп на подробности, он кратко говорит о местности, выбирая лишь необходимое для точного уяснения фактов. Лермонтов перевоплотился в своего героя, которому чуждо было неуместное в данном случае любование красотами природы. Если в поэмах автор любил перед началом сражения остановить внимание слушателя или читателя на красочной панораме мира:

Светлеет небо полосами,
Заря меж синими рядами
Ревнивых туч уж занялась...

Садится день, одетый мглою,
Как за прозрачной пеленою...

Чертой багряной серый небосклон
От голубых полей уж отделен,
Темнеют облака на небесах,
И вихрь несет в глаза песок и прах...

— то в «Бородине» нет подобных эмоционально-живописных картин, нет и тех пейзажных деталей, что были в «Поле Бородина», указывая своим пространственным построением на книжное происхождение².

Рассказчик не прибегает к световым эффектам, он стремится точно обозначить явление: «утро осветило пушки и леса синие верхушки», «и только небо засветилось», «вот смерклось». Его сравнения просты, взяты из привычного запаса восприятий природы: «французы двинулись как тучи», — не то, что в поэмах Лермонтова; эпитеты иль безыскусственны («длинный ус», «пестрые значки») иль обычны в речи, близкой к устной поэзии («он спит в земле сырой»), — не то, что в «Поле Бородина» («отчизны в роковую ночь»).

В рассказе о сражении указывалось самое необходимое, причем изысканная форма для психологического переживания героя в 1831 г. («я спорил о могильной сени») заменилась в «Бородине» чувством уверенного в себе здорового простолюди.

¹ «Повсюду стали слышны речи:
Пора добраться до картечи!».

² — И ночь холодная пришла
И тех, которые остались,
Густою тьмою развела».

на, рядового солдата, любителя рукопашного боя. Вся эта перестройка темы Бородинского сражения во втором стихотворении, шедшая в направлении замены условно романтического стиля реалистическим, привела в итоге к тому, что читатель не замечает остатков художественной манеры, более подходящей к «Полю Бородина», чем к «Бородину». Такими «реликтами» можно считать диссонансом звучащие в народном сказе два выражения: «и вот на поле грозной сечи ночная пала тень», и «носились знамена как тени». Последнее выражение поэт применил в «Поле Бородина» и в поэме «Ангел смерти» (1831):

Как тени знамена блуждали.

Самое сравнение получает объяснение в поэме «Измаил-бей» (1831 г.):

..... Черкесы
То скроются, то снова нападут.
Они как тень, как дымное виленье,
И далеко и близко в тож мгновенье.

Если присоединить книжное выражение: «сражен булатом», «звучал булат», то весь остальной словарный материал укладывается в форму сказа, художественно передающего тему величайшего исторического события. Народный сказ в «Бородине», однако, не был стилизацией, литературным опытом, искусно подражавшим устному простонародному повествованию. Лермонтов — народный поэт — нашел, подобно Крылову и Пушкину, верный тон для передачи просторечья, но, как подлинный художник, он все слышанное им и прочитанное, устные толки и печатные источники, скрепил собственной творческой мыслью, на все наложил печать своей поэтической личности, своего общественного мировоззрения, своей горячей любви к народу, к героическому прошлому родины.

«Бородино» — памятник гениального поэта, воплотивший в реалистической форме историческую правду о крупнейшем событии в жизни русского народа.

X

Народный поэт всегда с народом. С первых же дней, когда фашистские орды переступили границы СССР, «Бородино» Лермонтова стало одним из популярнейших у нашего народа, хотя и война была иной и народ, защищавший родину социализма, отличался новыми качествами своего характера, своего патриотизма, чем в 1812 г.

22 июня 1941 г. началась война с гитлеровской Германией, а 24 июня корреспондент «Правды» сообщал, что один из отрядов действующей армии на западном фронте выступил в поход с песней на мотив лермонтовского «Бородина». Строки этого стихотворения сделались боевыми лозунгами, они стали стрелять по врагу, зажигали сердца священной ненавистью к нему и беззаветной верой в непобедимую мощь советского народа. Цитаты из «Бородина» заперестрели на страницах газет¹, в патриотических фельетонах Алексея Толстого («Что мы защищаем», 26 июня 1941 г.; «Москве угрожает враг», 15 октября 1941 г.)², в окнах ТАСС (№ 230 в октябре 1941 г.), в плакатах, выпущенных к XXIV годовщине Советской Армии (в декабре 1942 г.), под рисунками художников (например, Кукрыниксы)³.

Стихотворение Лермонтова многократно передавалось по радио лучшими чтецами нашего Союза, оно входило в программы литературно-музыкальных концертов в исполнении не только профессиональных мастеров, но также участников художественной самодеятельности.

Стихотворение Лермонтова получило музыкальное воплощение в поэме для хора и симфонического оркестра, написанной Д. Васильевым-Буглаем, в композиции для оркестра и трио, представляющей обработку С. Бугославским народной мелодии.

Советские поэты вспоминали автора «Бородина», когда немецко-фашистские захватчики рвались к столице нашей родины, к Москве. Наблюдая на фронте боевые эпизоды, они ощущали живую связь между подвигами, воспетыми Лермонтовым, и тем героическим патриотизмом, которым переполнена Советская Армия. Молодой ферганский поэт рисует «простого бойца», который «любил поэзию и часто Лермонтова вслух читал» своим товарищам, «бойцам испытанным чета». Зимой в 1941 г., в одном из боев на подступах к Москве, — рассказывает поэт, — «наш знаменосец в снег упал и, истекая кровью, он гордо знамя поднял». Этот боец схватил знамя из рук убитого, развернул его и крикнул:

Ребята! Не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой!⁴

¹ «Красная Звезда», «Красноармеец», «Краснофлотец» и др. В «Московском большевике», 1941 г., № 211 была приведена цитата из «Поля Бородина» (в статье Б. Леонтьева «Бородино» 1812—7.IX.1941).

² Алексей Толстой, «Что мы защищаем», Советский писатель, стр. 4, 81.

³ «Литература и искусство», 1942, № 8, 21 февраля.

⁴ Александр Золотушкин, «Всегда с тобой». Госиздат УзССР, Ташкент, 1943, стр. 27—28 («Во имя жизни»).

Другой поэт в том же 1941 г. вспоминал поэта-патриота, годы юности проведенного в подмосковном Середникове; там был санаторий им. Лермонтова и стояла воинская часть, готовясь к бою. Советский поэт с волнением думал о певце «славы русского оружия» и об его стихотворении:

...власть судьбой ему дана
Воспеть героев безымянных,
Забывших о горячих ранах
На флешках у Бородина¹.

Третий поэт в своем стихотворении «Бородино» связывает единством идейного воздействия на советских людей стихотворение Лермонтова с романом Л. Толстого.

В бессмертных строфах русского поэта
К потомкам на века проистеко,
Легендами и славою согрето
Старинное село Бородино.
Из школьных книг о нем мы с детства знали,
Мы в играх гнали галльскую орду.
И, повзрослев, «Войну и мир» читали --
О грозной битве в памятном году.
Мы мысленно тогда врагов косили,
И к родине любовь росла острее
И навсегда в сердца свои вносили
Мы имена своих богатырей².

Но не только поэты-фронтовики жили памятью об авторе «Бородина». Окопные газеты призывали к победе лермонтовскими стихами, а их цитировали рядовые красноармейцы. В газете «Уничтожим врага» широко было использовано «Бородино» в решающие бои за Москву зимой 1941 г. Так, на одной странице был дан аншлаг: «Ребята, не Москва ль за нами!» — подписал М. Ю. Лермонтов. Рядом на другой странице: «Так победим же под Москвой!» Подпись: красноармеец Е. Седунов.

Стихи из «Бородина» обильно были заимствованы для заголовков многих заметок красноармейской газеты³. Насколько любимым стал автор «Бородина» в нашем народе, как он глубоко вошел в сознание народной массы, как стихи его обратились в своего рода народные пословицы, громадные обобщения, помогающие привычной, давно запомнившейся формулой называть определенный строй мыслей и чувств, говорит волнующий эпизод накануне боя, обессмертившего имена 28 гвардейцев-

¹ Н. Рыленков, «Прощание с юностью», 1943, стр. 13—15.

² Ив. Молчанов, «Бородино», «Вечерняя Москва», 1942, № 42, 20 февраля. См. еще стихи С. Шушина, присланные с фронта в Пятигорский музей Лермонтова («Литературная газета», 1944, № 2).

³ М. Цейтлин, «Газета армии, идущей вперед», «Литература и искусство», 1942, № 5, 3 февраля.

панфиловцев: политрук Клочков вспоминал лермонтовское «Бородино», обратившись к воинам-храбрецам со словами:

«Ведь были ж схватки боевые,
Да говорят еще какие!..»¹

На фронте и в тылу «Бородино» Лермонтова крепило героический патриотизм людей сталинской эпохи.

На экзамене в Орловское Суворовское военное училище двенадцатилетний Владимир Ярлыков, когда его попросили назвать любимое стихотворение, немедленно ответил:

— «Бородино».

По словам корреспондента «Правды», знавшего биографию мальчика, Бородино для советского подростка было не только историческим местом. Оно вошло в его личную жизнь — в окрестностях Бородина осенью 1941 г. пал в бою брат В. Ярлыкова².

Когда в сто тридцать пятую годовщину Бородинского сражения сотрудник «Правды», т. И. Рябов, посетил Бородинское поле — «священное место на земле нашей, место чести и славы, место историческое», и, находясь на кургане, отдался мыслям о прошлом, — в его воображении возникли картины Бородинской битвы по стихотворению Лермонтова: «И вот уж как будто устремляются к подножью холма уланы с пестрыми значками, драгуны с конскими хвостами, и наполеоновские гренадеры валяются на землю кровавой кучей, не в силах будучи прорвать стальную линию русских штыков»³.

В день 800-летия Москвы трудящиеся нашей столицы послали великому вождю советского народа товарищу Сталину письмо за подписью 3.665.859 граждан, в котором при воспоминании исторических событий, составляющих национальную гордость советского народа, были приведены стихи Лермонтова:

Не даром помнит вся Россия
Про день Бородина!⁴

Второе столетие «Бородино» Лермонтова продолжает патристическим глаголом жечь сердца русских людей.

Так будет всегда, пока звучит русский язык, пока жив русский народ. А народ бессмертен...

SEMINARIUM
HISTORII LITERATUR
SŁOWIAŃSKICH

U. M. K. W. TORUNIU

¹ «Красная Звезда», № 172, 1942, 24 июля.

² И. Рябов, Суворовцы. «Правда», № 254, 1943, 14 октября.

³ И. Рябов, Бородино. «Правда», № 234, 1947, 6 сентября.

⁴ «Правда», 7 сентября 1947 г., № 235.

68

Biblioteka Główna UMK

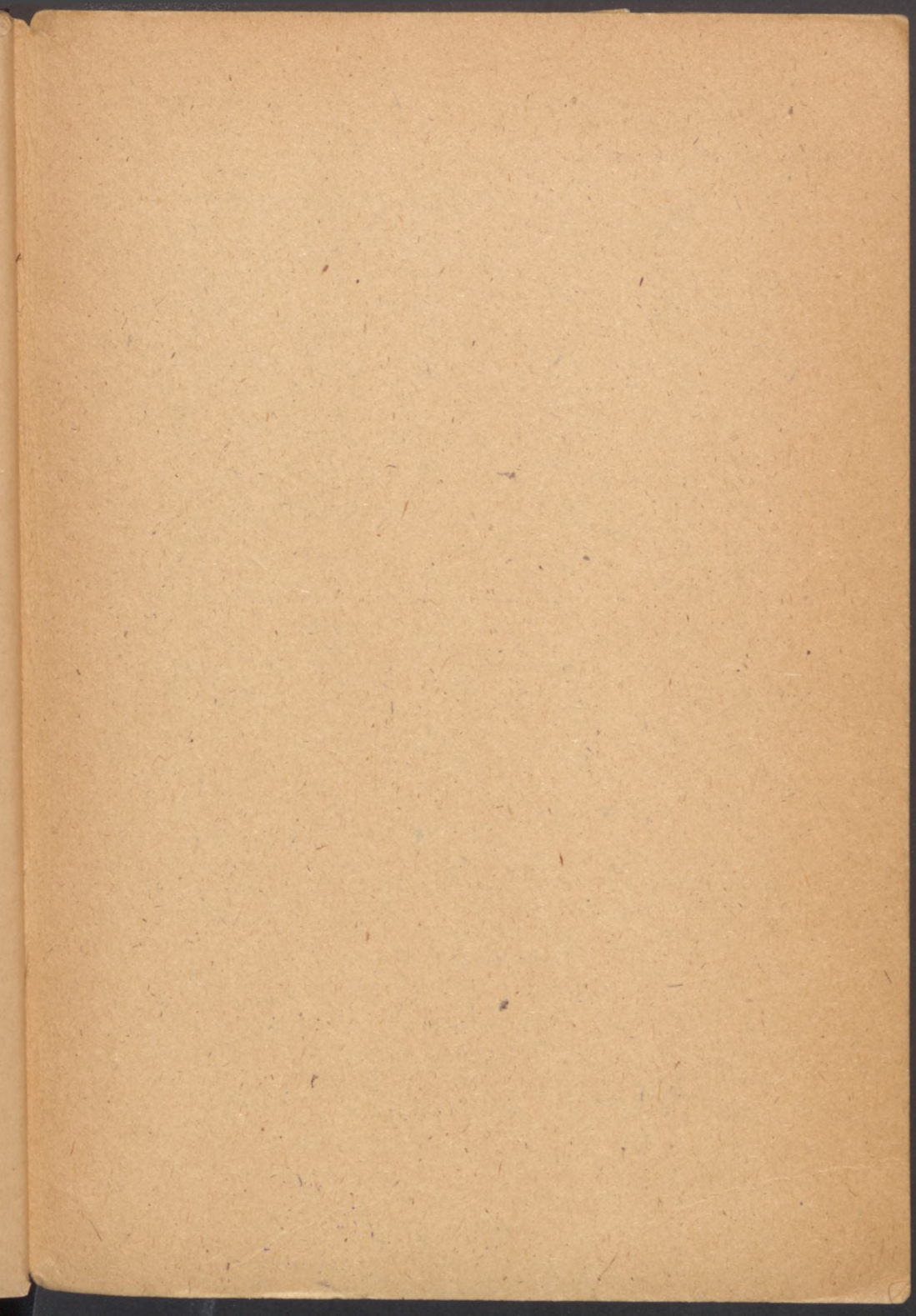

300052019023

A. V 43

Inw. III - 597

32

421 539

V $\frac{1}{43}$

ЦЕНА 2 руб. 25 коп.

Biblioteka Główna UMK

300052019023